А. Филонов

А.В. КОЛЦОВ
и его стихотворения

А
256
660

256
660

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ и его стихотворенія.

(съ портретомъ, жизнеописаніемъ, характеристикою, примѣчаніями и азбучнымъ указателемъ).

Составилъ *А. Г. Филоновъ.*

Изданіе П. Б. Потѣхина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ и его стихотворенія.

(съ портретомъ, жизнеописаніемъ, характеристикою, примѣчаніями и азбучнымъ указателемъ).

Составилъ *А. Г. Филоновъ.*

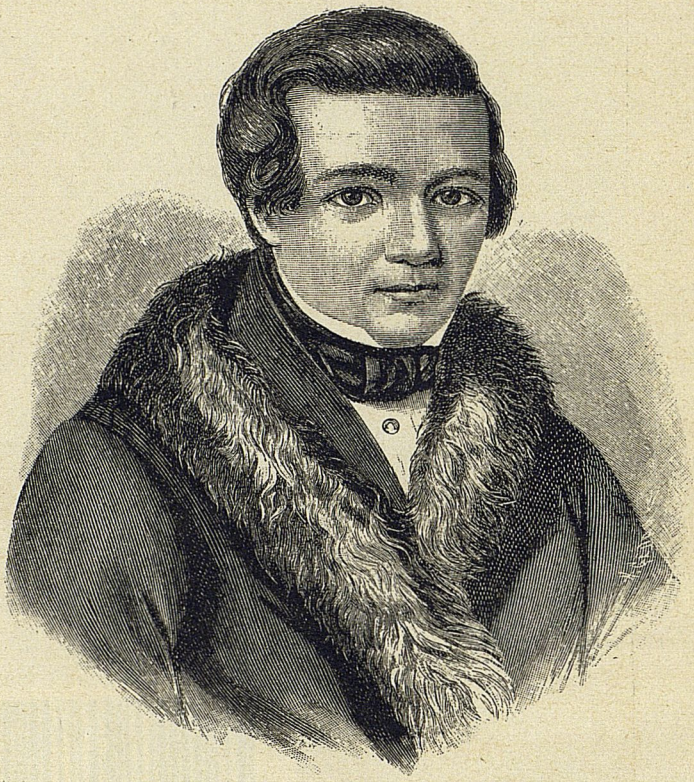
Изданіе П. Б. Потѣхина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

ПУБЛИЧ. и Р. БИБЛ. ТЕКА

Дозволено цензурою Спб. 4 Октября 1905 г.

Типографія Императорскаго Человѣкол. Общ. Лиговская ул., д. № 26.



А. В. Кольцову.

Пѣвецъ изъ народа,
Ты пѣсней простой,
Живой, какъ природа,
Плѣнялъ насъ порой.

Въ той пѣснѣ съ тобою,
Пѣвецъ дорогой,
Мы жили одною
Мечтой золотой.

Вольна, какъ свобода,
Легка, какъ струя,
Лилась для народа
Та пѣсня твоя.

И радость, и горе
Въ ней слышались намъ
Глубоки, какъ море,
Подобны волнамъ.

То думой широкой
О сельскихъ трудахъ,
То вѣрой глубокой
Въ страданьяхъ, бѣдахъ,

То гимномъ хвалебнымъ
Въ удачахъ, пѣвецъ,
Елеемъ цѣлебнымъ
Ты былъ для сердецъ.

Ты лирой свободной,
Живой и простой
Являлъ намъ природный
Даръ пѣсенъ святой.

Твой даръ пѣснопѣнья
Для чуткихъ сердецъ
Плодомъ вдохновенья
Былъ свыше, пѣвецъ.

Пѣвецъ благородный,
Прими нашъ привѣтъ
И въ пѣснѣ народной
Живи много лѣтъ!

П. Потѣхинъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ
Алексѣя Васильевича
КОЛЬЦОВА.

(Родился 1809 г., скончался 1842 г.).

А. В. Кольцовъ принадлежитъ къ числу многихъ замѣчательныхъ людей, вышедшихъ изъ народа, изъ низшихъ его слоевъ:

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай".

Такъ говоритъ поэтъ Н. А. Некрасовъ (1821—1877 г.г.) и говоритъ истину. М. В. Ломоносовъ (1711—1765 г.г.), великій ученый, вышелъ изъ народа: онъ былъ сыномъ крестьянина-рыбака, жившаго на сѣверѣ Россіи. А. Кольцовъ, сочинитель славныхъ пѣсенъ въ духѣ народа, знаемыхъ всею Россіею, произошелъ изъ мѣщанской семьи: онъ былъ сынъ Воронежскаго мѣщанина. Какъ Ломоносова преимущественно воспитала сѣверная природа (Ледовитый океанъ и сѣверное сіяніе), такъ и Кольцова воодушевляли къ пѣснямъ степь привольная и жизнь въ степяхъ раздольная, а временами и лѣса дремучіе, въ которыхъ онъ за 100

верстъ отъ города иногда жилъ, „мѣрялъ сосны, рубилъ дрова, а вечеромъ слушалъ, какъ волки выли“. Какъ Ломоносову дома мѣшали заниматься книгою его родители, заставляя его ловить рыбу—ремесло отца вести, такъ и Кольцову мѣшалъ читать книги, мѣшалъ писать его чудныя пѣсни его родитель, заставляя отправляться въ степь пасти гурты скота, которыми торговалъ его отецъ, посылая Кольцова покупать свиней, становить на винный заводъ на барду, осенью пахать землю, а часто и въ Москву, по требованію торговца-отца, гонять гурты скота на продажу. (Самъ Кольцовъ называетъ себя „гуртоправъ“).

И въ томъ и въ другомъ (и въ Ломоносовѣ и въ Кольцовѣ) горѣла *„искра Божія“*. И она вырвалась наружу, воспламенилась, не смотря на всѣ житейскія стѣсненія: Ломоносовъ, повторяемъ, сталъ великимъ ученымъ,—

„По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ“,

по словамъ Некрасова,—а Кольцовъ, руководимый Промысломъ Божіимъ,—въ который онъ глубоко вѣрилъ,—и собственною охотою, сдѣлался всѣмъ лучшимъ тогдашнимъ писателямъ извѣстенъ, обласканъ ими (въ томъ числѣ В. А. Жуковскимъ и даже А. С. Пушкинымъ, не говоря о многихъ другихъ) и прославился на Руси, какъ геніальный составитель пѣсенъ въ духѣ народа...

Оставляя Ломоносова, передадимъ нѣкоторыя занимательныя подробности о жизни Кольцова, котораго съ тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка называли „поэтомъ-прасоломъ“, а самъ себя онъ именовалъ „гуртоправомъ“, „торгашемъ“.

Дома училъ Кольцова грамотѣ семинаристъ.

Потомъ отецъ отдалъ своего сына въ науку въ Воронежское уѣздное училище. Здѣсь Кольцовъ пробылъ всего одинъ годъ и четыре мѣсяца...

Торговыя дѣла заставили Кольцова-отца взять своего сына изъ училища и приставить къ своему главному занятію—торговлѣ скотомъ. Кольцовъ-отецъ скупалъ скотъ и гуртами отправлялъ его по Воронежскимъ степямъ въ Москву, привлекая къ этому дѣлу и сына своего, Алексѣя Кольцова. Въ своихъ стихахъ Кольцовъ самъ говоритъ, что онъ рано началъ проводить жизнь „степнякою", ночью былъ „съ Чумаками" (хохлами, Малороссами) у стадъ и слышалъ пѣсни Чумацкія, хватавшія его за сердце... А Чумаки ночью, при горящемъ кострѣ, пѣли пѣсни про старину свою, про славныхъ героевъ своихъ.

Неудивительно, что эти пѣсни и эта жизнь среди привольной степи подожгли ту искру, о которой мы выше говорили. И забилось сердце у Кольцова самому сложить подобную же, восхищавшую его, пѣсню.

Тутъ уже одинъ шагъ и до самаго пожара, т. е. до желанія поучиться слагать такія сладкія пѣсни, которыя пѣвали Чумаки, одинъ шагъ и до самообразованія, до умныхъ и свѣдущихъ людей, одинъ шагъ до книгъ, гдѣ человѣкъ всему доброму учится, если только есть желаніе.

Богъ послалъ ему такихъ руководителей въ его же родимомъ городѣ:

„Кто работать любитъ,
Да Господа проситъ,
Тому невидимо
Господь посылаетъ".

(Слова Кольцова).

Былъ въ то время въ Воронежѣ добрый купецъ Кашкинъ, занимавшійся книжной торговлей. Въ лавку Кашкина часто приходилъ Кольцовъ, когда бывалъ свободенъ, и просилъ почитать хорошихъ книгъ. Добрый Кашкинъ давалъ своему посѣтителю книжки разныя, преимущественно сказки, давалъ и сочиненія Ивана Ивановича Дмитріева (1760—1837), гдѣ, между прочимъ, стихами были описаны дѣянія безсмертнаго въ Русской Исторіи Ермака, покорителя Сибири. Вдумывался Кольцовъ въ получаемыя имъ книги, восхищался стихами, часто даже принимался пѣть ихъ, воображая въ наивности своей, что стихи непремѣнно надо пѣть. Получалъ Кольцовъ и сочиненія Василія Андреевича Жуковскаго (1783—1852), и самъ свидѣтельствуетъ, что онъ, „бывши мальчикомъ, училъ наизусть творенія Жуковскаго". Когда доброжелатель его Кашкинъ узналъ, что Кольцовъ поетъ стихи, то онъ далъ своему частому гостю книжку о томъ, какъ надо писать (составлять) стихи, гдѣ надо ставить удареніе надлежащее (этому искусству учитъ „Русская Просодія"—такую книжку и получилъ Кольцовъ), и началась трудная работа—самообразованіе. Кольцовъ что-то пробовалъ писать, „кропать стишки" попробовалъ (это его собственное признаніе).

Но все дѣло не клеится. Не напрасно русская пословица говоритъ: ученье—свѣтъ, неученье—тьма. Кольцовъ собственнымъ горькимъ опытомъ узналъ истину мудрой русской пословицы.

Вскорѣ Кольцовъ встрѣтилъ новаго пособника, новаго просвѣтителя въ лицѣ семинариста Воронежской Семинаріи, Серебрянскаго.

Кольцову было около пятнадцати лѣтъ, когда онъ познакомился съ Серебрянскимъ. Это былъ умный молодой человѣкъ, хорошо изучившій науки, преподаваемыя въ

семинаріи, человѣкъ даровитый—и стихи онъ писалъ (и до насъ дошли его стихи, недурно написанные). Серебрянскій началъ бесѣдовать съ Кольцовымъ, читалъ его стихи, поправлялъ ихъ, слабые „рвалъ“ (свидѣтельство самого Кольцова), читалъ съ нимъ не сказки, а серьезныя сочиненія, образовательно дѣйствующія на юную душу,—самъ Кольцовъ говоритъ, что Серебрянскій читалъ съ нимъ великаго Англійскаго писателя Шекспира (1564—1616), извѣстнаго во всемъ мірѣ сочиненіемъ превосходныхъ драмъ (произведеній, для представленія въ театрѣ составленныхъ). По свидѣтельству самого Кольцова, лѣтъ пятнадцать это благотворное для обоихъ знакомство продолжалось. Когда Серебрянскій умеръ, Кольцовъ писалъ: „лишился я человѣка, котораго любилъ *пятнадцать* лѣтъ душою и котораго потерю горько оплакиваю“(Изъ письма 1838 г. Серебрянскій умеръ въ этомъ году).

Въ 1835 г. Кольцову Богъ послалъ третьяго просвѣтителя въ лицѣ Николая Владиміровича Станкевича (1813—1840 г. г.). Всѣ, кто знавалъ Н. В. Станкевича, отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ высоко-образованномъ и благовоспитанномъ. Это былъ на ту пору студентъ Московскаго Университета, пріѣзжавшій на лѣтнее время (каникулы) на родину, въ Воронежскую губернію, къ отцу своему, помѣщику. Станкевичъ былъ юношею, преданнымъ наукѣ и благородному искусству: онъ любилъ науку мудрости (т. е. философію) и образовалъ въ Университетѣ кружокъ молодыхъ людей, подобно ему, любившихъ погружаться въ разрѣшеніе философскихъ вопросовъ. Станкевичъ слышалъ о самородкѣ-поэтѣ, Воронежскомъ мѣщанинѣ А. В. Кольцовѣ, познакомился съ нимъ, внимательно пересмотрѣлъ его черновыя тетради (нѣкоторыя изъ нихъ дошли до насъ),

видѣлъ много опытовъ стихотворныхъ, написанныхъ Кольцовымъ, выбралъ изъ нихъ восемнадцать піесъ (въ томъ числѣ были: „Осѣдлаю коня“, „Удалецъ“, „Великая Тайна“, „Не шуми ты, рожь“, „Пѣсня Пахаря“) и издалъ ихъ въ Москвѣ 1835 г. подъ названіемъ: „Стихотворенія Алексѣя Кольцова“. (Эта книжка въ сѣрой обложкѣ и съ разгонистою печатью лежитъ теперь передъ нами... Цѣны на ней не означено и предисловія никакого не имѣется)...

Но эта сѣрая книжка, на обыкновенной бумагѣ и безъ предисловія изданная неизвѣстно кѣмъ, произвела сильное впечатлѣніе на тогдашнихъ образованныхъ людей. Замѣтный въ то время обозрѣватель газетъ и журналовъ, проницательный критикъ (къ сожалѣнію, нынѣ забытый) Януарій Михайловичъ Невѣровъ [1]), написалъ 1836 г. статью „Поэтъ-прасолъ“ (въ Сынѣ Отечества 1836 г., ч. 176), и это названіе „поэтъ-прасолъ“ всюду распространилось. А книжка „Стихотворенія Алексѣя Кольцова“ въ Воронежѣ явилась во многихъ домахъ. Извѣстность Кольцова стала возрастать.

Она еще сильнѣе стала расти, когда въ Іюлѣ 1837 г. В. А. Жуковскій, путешествуя по Россіи, въ качествѣ воспитателя Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра: Николаевича (впослѣдствіи Императоръ Александръ Второй), посѣтилъ Воронежъ, былъ у Кольцова, обласкалъ его, благословилъ его продолжать свои поэтическіе опыты и обѣщалъ свое покровительство на будущее.

Торговыя дѣла отца заставили Кольцова отпра-

---

[1]) Януарій Михайловичъ Невѣровъ (1810—1893) составлялъ въ тридцатыхъ годахъ XIX в. прекрасныя обозрѣнія газетъ и журналовъ въ Журн. Мин. Нар. Просв.,—впослѣдствіи былъ директоромъ гимназіи, попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа и наконецъ членомъ совѣта Министра Народн. Просвѣщенія.

виться въ Москву, а потомъ и въ Петербургъ. Эти дѣла много мѣшали дарованію Кольцова развиваться, но не совсѣмъ погасили искру Божію, въ немъ постоянно тлѣвшуюся. Въ Москвѣ онъ нѣкоторое время жилъ, а въ это время выступалъ на поприще критики (разборъ произведеній слова и искусства) Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (1809—1847). Познакомили Кольцова съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій пригласилъ Кольцова къ себѣ на жительство. Кольцовъ въ письмахъ своихъ восторженно говоритъ о благотворномъ вліяніи бесѣдъ Бѣлинскаго на его умственное развитіе. Въ одномъ письмѣ Кольцовъ говоритъ Бѣлинскому: „ты царь, живи одинъ, святая правда—и вашъ девизъ она". Въ Москвѣ тогда молодые люди, собиравшіеся въ кружкѣ Станкевича (напр. В. Боткинъ, К. Аксаковъ, М. Н. Катковъ и другіе), вели оживленные споры о разныхъ научныхъ истинахъ,— эти молодые люди (а особенно Бѣлинскій) приняли съ любовію „поэта-прасола", „гуртовщика" въ свою среду, и Кольцовъ видимо развивался. По письмамъ его [1]) можно замѣтить, что онъ многія книги сталъ требовать себѣ изъ столицъ, желая стать въ просвѣщеніи не послѣднимъ звеномъ (требовалъ исторію философіи,„Сказанія Русскаго народа" Сахарова, Шекспировскаго „Отелло" и др., получалъ разные журналы: „Отеч. Записки", „Современникъ" и др.).

Посѣщая Петербургъ по тяжебнымъ дѣламъ отца, онъ вводится въ Петербургскіе кружки писателей: видитъ Жуковскаго, Пушкина, присутствуетъ на литературномъ вечерѣ у Плетнева, самъ устраиваетъ у себя литературные вечера: ихъ было два. На одномъ изъ этихъ вечеровъ у него были разные писатели и художники: Владиславлевъ, Краевскій (особенно много помогавшій Коль-

[1]) См. замѣчательное изданіе Ар. Введенскаго.

цову), Никитенко (профессоръ словесности), Григоровичъ, Мокрицкій (художникъ), трое Крашенинниковыхъ, Бенедиктовъ (поэтъ), Гребенка, Бернетъ, Пожарскій, Губеръ (переводчикъ „Фауста“ Гете), Сахаровъ и пять земляковъ. Перечисливъ этихъ и другихъ своихъ гостей (Кукольника, Н. Полевого), Кольцовъ въ письмѣ изъ Петербурга въ Москву (1838 г.) восклицаетъ: „Вотъ каково въ Питерѣ живемъ и добрымъ людямъ вечера даемъ!“

В. А. Жуковскій представляетъ Кольцова знаменитому художнику Брюллову. Художникъ Мокрицкій такъ говоритъ объ этомъ представленіи: „Спустя полчаса по пріѣздѣ Жуковскаго (къ Брюллову) дали мнѣ знать, что пришелъ Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. Я сказалъ объ этомъ Брюллову и просилъ позволенія представить ему степного пѣвца, стихи котораго любилъ онъ слушать. Онъ сталъ было извиняться, что не можетъ теперь принять, потому что ожидаетъ Великую Княгиню, но Жуковскій молвилъ слово въ пользу Кольцова, и я ввелъ въ студію (мастерскую) дорогого гостя“. Василій Андреевичъ отрекомендовалъ Кольцова Брюллову и, обратясь къ картинѣ[1]), сказалъ: „Вотъ тебѣ сюжетъ, Алексѣй Васильевичъ; выскажи ты его прекрасными стихами“; но поэтъ, пораженный геніальнымъ твореніемъ, казалось, не слышалъ словъ: онъ смотрѣлъ на картину—и слезы восторга дрожали у него на глазахъ; его восхищало также свиданіе съ великимъ художникомъ, котораго жаждалъ онъ ви-

---

[1]) Эта картина, созданіе Брюллова, была „Распятіе“... Жуковскій благоговѣйно смотрѣлъ на эту картину и, сильно тронутый выраженіемъ лика Спасителя (пишетъ Мокрицкій), обнималъ художника, поздравлялъ его со счастливымъ выполненіемъ ея. И подлинно, чего не доставало къ созданію этой великой картины, которая, по сюжету и выполненію, станетъ на ряду съ первыми произведеніями безсмертныхъ живописцевъ!

дѣть. Благодаря художника за счастіе, которымъ онъ обязанъ свиданію съ нимъ, Кольцовъ вручилъ ему экземпляръ своихъ стихотвореній; въ книжонкѣ было вложено одно рукописное сочиненіе. Жуковскій раскрылъ и чтожъ? Это было новое его сочиненіе „Великое Слово", въ которомъ распятый Христосъ выражалъ собою предвѣчное слово: „Да будетъ"!—„Какъ кстати!" сказали мы въ одно слово. Жуковскій прочелъ въ слухъ; сочиненіе написано прекрасно; Брюлловъ былъ тронутъ и, обнимая поэта, благодарилъ его за дружеское вниманіе. Какимъ же образомъ Кольцовъ, не видавъ картины, могъ выразить ее стихами? Очень просто: дня за три до того, былъ я у Кольцова и говорилъ о Брюлловѣ, описалъ ему картину; онъ просилъ доставить ему свиданіе съ Брюлловымъ, которое и устроилось такъ, какъ я описалъ. (Дѣло было 4-го Апрѣля 1838 г. Отеч. Записки 1855 г., № 12 „Воспоминанія Мокрицкаго о Брюлловѣ", стр. 175—176).

Этотъ отрывокъ показываетъ ту степень почета, которымъ пользовался Кольцовъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, когда одно за другимъ выходили въ журналахъ его стихотворенія. Такой отрадный фактъ почета можно добавить многими другими подобными же свѣденіями. Такъ профессоръ Плетневъ, издававшій Современникъ, просилъ у него пѣсенъ для своего журнала; А. А. Краевскій, издатель Отечественныхъ Записокъ, просилъ у Кольцова пѣсенъ для руководимаго имъ журнала (даже не одного); издатель альманаха сборникъ особаго рода) Владиславлевъ просилъ Кольцова прислать ему пѣсенъ для своего изданія; Бѣлинскому Кольцовъ посылалъ разомъ по нѣскольку своихъ стихотвореній и знаменитый того времени критикъ, бракуя одни изъ нихъ, отъ другихъ приходилъ въ во-

сторгъ. Кольцовъ дѣлается любимымъ писателемъ всѣхъ образованныхъ людей. И самъ онъ приходитъ отъ силы въ силу. Онъ начинаетъ самъ критически (со строгою разборчивостію) относиться къ своимъ произведеніямъ и самъ проситъ переправлять ихъ, указывая, что̀ и ка̀къ поправить. Онъ уже пріобрѣтаетъ изощренный критическій разумъ (тактъ) и проницательно разбираетъ текущія произведенія литературы (словесности). Такъ онъ разобралъ очень основательно первый номеръ новаго журнала „Отечеств. Записки“ 1839 г., обращая вниманіе на хорошую повѣсть И. И. Панаева († 1862 г.) „Актеонъ“ и на письмо учителя: „его не читаешь,—говоритъ Кольцовъ, а пожираешь, и не въ одинъ разъ, а въ нѣсколько“,—восхищается Кольцовъ и стихотвореніями Лермонтова, начавшими тогда (въ 30-хъ годахъ) появляться,—ясно, что дарованіе поэтическое (стихотворное) и разумъ критическій (разбирающій, что хорошо и что худо) у Кольцова все крѣпнутъ.

Но несчастно сложившіяся торговыя дѣла отца его, нѣкоторыя личныя привязанности самого Кольцова, а также суровое обращеніе его отца съ нимъ сокрушили его здоровье, онъ долго болѣлъ, иногда не имѣя возможности купить лѣкарства [1]). Гасъ Кольцовъ, погасала его грустная жизнь.

„и какъ степной огонекъ замерла“... А. В. Кольцовъ умеръ въ 1842 году. Впослѣдствіи ему былъ поставленъ памятникъ въ Воронежѣ.

1892 г. Россія справляла 50-лѣтій юбилей Кольцова

---

[1]) „Сестра моя зла, желаетъ моей смерти, другая зла и скряга. Старикъ (отецъ) меня не любитъ... Положить надежду на мои стишонки —что на нихъ дадутъ? И что буду за нихъ получать въ годъ!—Пустяки: на сапоги, чай—и только“ (изъ письма 1841 года)...

послѣ его смерти. Съ этого года всѣ получили право, закономъ установленное, издавать его сочиненія, и явилось нѣсколько замѣчательныхъ книжекъ, въ которыхъ разсказывалось о жизни *прасола-поэта* и разбирались его произведенія.

Хорошо читать и книжки о Кольцовѣ, но еще лучше вчитываться въ его стихотворенія и пѣсни,—которыя мы здѣсь и предлагаемъ всѣ, за немногими исключеніями. Если читатели внимательно вчитаются въ сочиненія Кольцова, а особенно въ его пѣсни, то и сами увидятъ, что Кольцовъ такъ же славенъ своими пѣснями, какъ Крыловъ своими баснями.

Источниками и пособіями служили намъ слѣдующія изданія и статьи: 1) Стихотворенія Алексѣя Кольцова. М. 1835.—2). Поэтъ-прасолъ. Я. М. Невѣрова. Сынъ Отечества 1836, ч. 176—3) Стихотворенія А. В. Кольцова. Со статьею о его жизни и сочиненіяхъ, писанною (1846 г.) В. Бѣлинскимъ. Четвертое изданіе К. Солдатенкова. М. 1863—4) Статья В. Н. Майкова. Отеч. Записки 1846, №№ 6, 11 и 12 (а также въ собраніи его сочиненій, изданныхъ 1889 г. при „Пантеонѣ Литературы“).—5) Кольцовъ. В. Я. Стоюнина. Сынъ Отечества 1852, №№ 3 и 5.—6) М. С. Негрескула. Москвитянинъ 1853.—7) М. Н. Каткова. Русскій Вѣстникъ 1856, т. VI.—8) Н. В. Станкевичъ. П. В. Аненнкова. Русскій Вѣстникъ 1857, т. VII, стр. 725 и д. (о Кольцовѣ).—9) В. И. Водовозова. Журн. Мин. Нар. Просв. 1861, №№ 10 и 11.—10) А. В. Кольцовъ, критическая статья М. де-Пуле. Воронежская Бесѣда (журналъ 1861. 11) О педагогичесомъ зна-

ченіи сочиненій Кольцова А. А. Радонежскаго. Отеч. Записки. 1862, февраль.—12) Русскій Архивъ 1864. М. де-Пуле. Неизданныя стихотворенія А. В. Кольцова (стр. 990 и д., напечатаны черновыя тетради Кольцова съ 1826 года, и даже съ 1825 г.).—12) В. А. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. (Безъ означенія автора). Изд. второе. М. Изд. Николая Ивановича Мамонтова. 1877.—14) А. В. Кольцовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ В. В. Огаркова. Спб. 1891. (Въ концѣ приложенъ списокъ композиторовъ, полагавшихъ стихи Кольцова на музыку).—15) Московскія Вѣдомости, 1892, №№ 290 и 300.—16) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1893, № 1.—17) Этюдъ о Русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ Русской пѣсни А. В. Кольцовъ, изд. Д. И. Тихомирова. М. 1893.—18) Ч. Вѣтринскій. Жизнь и пѣсни А. В. Кольцова. Изд. магазина „Знаніе". (Года не означено).—19) П. В. Владиміровъ. А. В. Кольцовъ какъ человѣкъ и какъ поэтъ. Кіевъ. 1894.—20) Стихотворенія и письма А. В. Кольцова. А. І. Лященка. Съ біографическимъ очеркомъ. Спб. 1895.—21) Стихотворенія и письма А. В. Кольцова. Полное собраніе подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Съ критико-біографическимъ очеркомъ Спб. 1895.—22) А. В. Кольцовъ. В. П. Острогорскаго. (Въ краткомъ изложеніи). Двадцать біографій образцовыхъ Русскихъ писателей. Изд. восьмое. М. 1904.—23) Художникъ Русской пѣсни А. В. Кольцовъ. В. П. Острогорскаго. Въ книжкѣ его: Этюды о Русскихъ писателяхъ, изд. Д. И. Тихомирова. М. 1893.

Отличительныя черты стихотвореній Кольцова.

Вчитываясь внимательно въ стихотворенія Кольцова, *прасола-поэта*, мы увидимъ слѣдующія въ нихъ привлекательныя черты:

Во-первыхъ, стихотворенія Кольцова внушаютъ любовь къ труду. Онъ говоритъ:

„Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ
Буду я *трудиться*;
Кто у Бога проситъ
Да *работать* любитъ,
Тому невидимо
Господь посылаетъ".

Въ стихотвореніяхъ Кольцова крестьянинъ совершаетъ трудъ свой съ радостью:

„*Весело* на пашнѣ,
Ну, тащися, сивка".

На трудъ свой крестьянинъ встаетъ до восхода солнца, чуть заря занимается:

„Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ...
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять другъ за дружкою".

Товарищу пѣсня Кольцова говоритъ:

„На заботы свои
Чуть заря подымись,
И одинъ во весь день
Что есть мочи трудись.
Неудачи, бѣда —
Съ грустью дома сиди;
А *съ зарею* опять
Къ новымъ нуждамъ иди“.

Весело крестьянинъ Кольцова исполняетъ свои крестьянскія работы: весело снаряжаетъ свою борону и соху, телѣгу готовитъ и зерна насыпаетъ, *весело* онъ молотитъ, весело онъ вѣетъ.

Трудъ несетъ ему сладкіе плоды: крестьянинъ видитъ *тяжелые* снопы на своихъ скирдахъ и гумнахъ,— благодаря трудамъ, онъ собираетъ казну (т. е. деньги), бражку ковшичкомъ пьетъ, подати уплачиваетъ и всѣ нужды свои поправляетъ.

Сверхъ всего этого, крестьянинъ въ трудѣ находитъ успокоеніе въ несчастіяхъ разнаго рода. Одна изъ пѣсенъ Кольцова говоритъ, что добрый молодецъ получилъ отказъ въ рукѣ любимой дѣвушки. Что же онъ потомъ сдѣлалъ? Онъ усилилъ свой *трудъ*:

„Я куплю себѣ
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее—
И прости—прощай,
Село родное!
Не плачь, Грунюшка,—
Косой острою
Не подрѣжусь я..“

Молодецъ отправляется на труды въ поля Дона тихаго, православнаго и работаетъ у казаковъ, не покладая рукъ, своею „косою острою.“ Онъ говоритъ:

„*Раззудись*, плечо!
Размахнись, рука!
Зажужжи, коса,
Засверкай—кругомъ,
Зашуми, трава,
Подкошенная“.

Молодецъ трудится, казачка даетъ ему за труды

„денегъ пригоршни“,

Молодецъ продолжаетъ:

„Я зашью казну,
Соберу казну“,—

потомъ собирается онъ въ село родное и обѣщается заработанныя трудомъ усиленнымъ деньги нести старостѣ:

„Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной“.

Такимъ образомъ и въ дѣлахъ сердца, въ его скорбяхъ молодецъ Кольцова находитъ успокоеніе, выходъ хорошій—въ трудѣ, въ трудѣ усиленномъ. Такая мысль отрадна и воспитательно дѣйствуетъ на внимательнаго читателя.

Во-вторыхъ стихотворенія Кольцова отличаются благочестивымъ настроеніемъ (религіознымъ характеромъ). Бога постоянно помнитъ крестьянинъ, выводимый въ

стихахъ Кольцова. Пашетъ ли онъ, или сѣетъ—онъ обращается къ Богу:

„Съ тихою *молитвой*—
Я вспашу, посѣю“.

Вспаханную крестьяниномъ землю онъ называетъ „*святою* колыбелью“. Вспаханная и взбороненная земля требуетъ дождя; дождь, оросившій ее, называется у крестьянъ Кольцова „Божьей милостью“:

„Люди сельскіе
Божьей *милости*
Ждали съ трепетомъ
И молитвою“.

Колосья, которыми покрываются поля, именуются „*Божіими* гостями“.

Господу Богу молятся крестьяне Кольцова передъ посѣвомъ ржи и другими крестьянскими работами. Отъ Господа Бога они ждутъ и урожая:

„Уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ,
Мое богатство“.

Соберутся крестьяне въ гости другъ къ другу, и тутъ они рѣчи „гуторятъ“ хорошія, благочестивыя:

„Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ *уродитъ* намъ“...

Восьмидесятилѣтній старикъ такъ говоритъ у Кольцова:

„Лиха-бѣда, въ землю
Кормилицу ржицу

Мужичку закинуть:
А тамъ Богъ *уродитъ*,
Микола [1]) подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля".

Видя урожай, крестьянинъ у Кольцова еще усерднѣе прежняго молится Богу:

„Видитъ солнышко
Жатва кончена,—
Но *жарка* свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери".

Заботитъ крестьянина урожай, заботятъ его и другія сельскія работы. Всюду онъ въ этихъ дѣлахъ обращается за помощью къ Господу Богу и Божіей Матери. Къ нимъ же несетъ мольбу и самъ Кольцовъ, когда душа его волнуется разными глубокими вопросами о началѣ міра, о кончинѣ міра, о жизни всего живущаго. Когда обуревается душа нашего поэта-прасола подобными думами, тогда и онъ молитъ Бога даровать ему успокоеніе и пишетъ такъ:

„Спаситель, Спаситель,
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна".

Темно человѣку дальнѣйшее существованіе его послѣ смерти, на все наложена печать молчанія. Разныя со-

---

[1]) Такъ называется въ народѣ Св. Чудотворецъ Николай,—архіепископъ города Мирликійскаго (въ Азіи).

мнѣнія получаютъ удовлетвореніе въ одномъ—въ молитвѣ и молитвѣ слезной:

„Прости-жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы“.

И въ другомъ стихотвореніи, гдѣ поэтъ касается тайны созданій, онъ тоже прибѣгаетъ къ молитвѣ, какъ единственно-вѣрному убѣжищу отъ мучащихъ его духъ сомнѣній:

„О, гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ:
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва“.

И не одну слезу проронилъ Кольцовъ передъ ликомъ Спасителя, представляя Его крестныя страданія, когда—

„На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ и тихъ,
До конца Онъ молилъ
За злодѣевъ своихъ“.

Разсуждая о земномъ счастіи, Кольцовъ видитъ его не въ богатствѣ, не въ роскошныхъ пирахъ съ друзьями, не во властвованіи надъ другими,—по его убѣжденію

„Тотъ счастливъ и почтенъ,
Кого природа одарила
Душей, и чувствомъ и умомъ.
Кого фортуна наградила
Любовью—истиннымъ добромъ.
Всегда *предъ Богомъ онъ съ слезою*
Молитвы чистыя творитъ,

„Доволенъ жизнію земною,
Законъ небесъ боготворитъ,
И за Царя, за отчій кровъ
Собою жертвовать готовъ.
Онъ и немногое имѣя,
Всегда дѣлиться радъ душей.
На помощь бѣдныхъ, не жалѣя,
Все щедрой раздаетъ рукой".

Такимъ образомъ и въ стихотвореніяхъ различнаго содержанія Кольцовъ остается вѣрень своему настроенію—благочестію (религіозности): и въ нихъ онъ передаетъ читателю важную свою мысль—о необходимости всегдашней молитвы передъ Богомъ и непрерывнаго совершенія добрыхъ дѣлъ.

Третья черта стихотвореній Кольцова,—черта драгоцѣнная,—состоитъ въ томъ, что они пробуждаютъ въ читателѣ *бодрость духа*. На эту черту стихотвореній Кольцова въ особенности обращали вниманіе иностранные писатели, его изучавшіе. Въ стихотвореніи „Путь" Кольцовъ говоритъ, что необходимо

„...порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать.
И чтобъ, съ горемъ, въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ!"

Кольцовъ своими стихотвореніями внушаетъ мужество среди несчастій; его молодецъ, не смотря на муку смертную въ душѣ, въ темную ночь, подъ бурей коня сѣдлалъ, *безъ дороги* въ путь отправился, чтобы съ злою долей *перевѣдаться*...

Въ другомъ стихотвореніи онъ вопрошаетъ:

„Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?“.

Потомъ продолжаетъ:

„Нѣтъ ужъ полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть!“

Выводимый Кольцовымъ въ стихахъ молодецъ не боится несчастія, онъ садится у моря и говоритъ:

„Можетъ наша радость
Живетъ за морями“

и заключаетъ, что, и „съ горемъ“ можно жить, даже если бы и не пришла радость.

Въ пѣснѣ Лихача Кудрявича та же мощь духа, та же безтрепетность сердца передъ горемъ, и такъ она выражается Кольцовымъ:

„Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой!
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, *браво!*“

Выводитъ Кольцовъ „Удальца“. Удалецъ много имѣетъ силы и думаетъ ее разметать по темнымъ лѣсамъ да съ ножемъ нападать на богатыхъ купцовъ.

Замѣчательно здѣсь то, что самъ удалецъ, думавшій обижать людей да губить ихъ души ночными разбоями,

самъ' выслушавъ въ церкви, что „попъ Иванъ міру гуторилъ",—*самъ* рѣшился измѣнить свой преступный образъ мыслей, *самъ* дошелъ до святого убѣжденія, что—

„Лучше-жъ воиномъ
За Царевъ законъ,
За крещеный міръ
Сложить голову!..."

Чтеніе подобныхъ стихотвореній должно благотворно подѣйствовать на читателя и *воспитывать* въ немъ доброе, бодрое чувство.

Самая важная заслуга Кольцова заключается въ томъ, что онъ создалъ въ *духѣ народномъ* пѣсню и довелъ ее до возможной степени совершенства (такія пѣсни принято въ наукѣ называть художественными). Кольцовъ, поэтъ-прасолъ, поэтъ-„гуртоправъ" (его выраженіе), поэтъ-пѣсенникъ далъ намъ образцовую (художественную) пѣсню. Пѣсни его разнообразны по содержанію. Кольцовъ въ пѣсняхъ воспѣвалъ степь привольную, луга бархатные („парча шелковая"), сельскія занятія (хлѣбопашество), урожай, пирушки крестьянскія, лѣса дремучіе съ ихъ бурями и лѣшимъ - вѣдьмою, грозы благодатныя, напояющія „земную грудь широкую" проливнымъ дождемъ, музыку колесъ деревенскихъ, на которыхъ возятъ хлѣба („снопы тяжелые"),—воспѣвается въ пѣсняхъ Кольцова и „сивка"—лошадь рабочая, съ ея хозяиномъ, который и хозяинъ и слуга лошадкѣ, неизбѣжной его спутницѣ въ трудахъ,—поетъ пѣсня Кольцова и домоваго, въ существованіе котораго, къ сожалѣнію, вѣритъ добрый Русскій народъ,—и „присуху" (колдовство) воспѣваетъ. Много въ пѣсняхъ Кольцова поется о кудряхъ „хмѣлемъ" вьющихся, красотѣ дѣвичьей, о силѣ любви между сельскимъ людомъ.

Такъ молодецъ прощается со своей невѣстой и говоритъ ей такія отрадныя для обоихъ ихъ слова:

„На полгода всего
Мы разстаться должны,
Есть за Волгой село,
Тамъ отецъ мой живетъ
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ,
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной -
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой“.

Начало семейное, успокаивающее человѣка, воспѣваетъ пѣсня Кольцова неоднократно. Его молодецъ прощается съ боромъ дремучимъ, беретъ жену и идетъ съ ней на житье на домашнее, дабы жить съ женой припѣваючи.

Поется въ пѣснѣ Кольцова и объ увлеченіяхъ молодости, сердечныхъ утратахъ, иногда воспѣвается и мщеніе „краснымъ пѣтухомъ“ за отвергнутую любовь,—но главное содержаніе его сердечныхъ пѣсенъ (гдѣ сила любви воспѣвается)—есть мирное разрѣшеніе сердечнаго союза:

„Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ,
Холостая жизнь наскучила;
Полюбилъ тебя безродную,
Полюбивши, весь измучился.
Погубить себя?—*не хочется!*
Разойтися? нѣту волюшки!
Обмануть? своею бѣдностью
Красоту сгубить?—*жаль до смерти*“.

Поетъ пѣсня Кольцова и о героическихъ дѣлахъ Русскаго народа, изъ исторіи его „заемлетъ“ свое содержаніе. Здѣсь мы видимъ и „юнаго царя“ со знаменемъ на

стѣнахъ Казанскихъ (Іоаннъ четвертый, прозванный Грознымъ),—чествуется пѣснею, отзывчивой пѣснею Кольцова, и Суворовъ, нашъ Русскій чудо-богатырь.

Замѣтимъ крѣпко на-крѣпко, что пѣснями, именно *пѣснями* стяжалъ себѣ почетную славу Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. Онъ ударялъ своею пѣснею по самымъ чувствительнымъ струнамъ сердца Русскаго человѣка...

Наши композиторы (т. е. люди, знающіе музыку въ совершенствѣ) полагали на музыку многія пѣсни его. Число этихъ композиторовъ весьма значительно. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: М. И. Глинка, А. Рубинштейнъ, Даргомыжскій, Алябьевъ, А. Варламовъ, Г. Ломакинъ, П. Булаховъ, А. Гурилевъ, К. Вильбоа, А. Дюбюкъ, М. Балакиревъ, Мусоргскій, А. Дерфельдтъ, Архангельскій, О. Дютшъ, И. Помазанскій, Н. Аѳанасьевъ, Н. Бороздинъ, Л. Малашкинъ, А. Глазуновъ, А. Ивановъ, И. Сѣтовъ, В. Соколовъ, Е. Климовскій, Віардо-Гарсія, Монюшко, Кюи и друг.—Ни у кого изъ нашихъ писателей не брали музыканты столько матеріала для своихъ музыкальныхъ піесъ, какъ у Кольцова, этого „поэта-прасола“!

Многія пѣсни Кольцова и въ народѣ поются (напр. „Ну, тащися, сивка“, „Что ты спишь, мужичекъ“?). Мы сами слышали эти пѣсни, распѣваемыя народомъ. Желательно, чтобы черезъ сельскія школы пѣсни Кольцова, эти чудныя пѣсни, проникали въ народъ все болѣе и болѣе и вытѣсняли новѣйшія фабричныя или цыганскія пѣсни.

Сирота [1]).

(1825 г.).

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

Что-жь, вы злыя, что вы вьетесь
Надъ усталой головой?
Что вы съ вѣтромъ не несетесь
Въ край невѣдомый, чужой?

Были дни—и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда измѣнила,
Радость—сонъ въ судьбѣ моей.

На яву же, въ облегченье,
Только слезы проливать,
И не вѣрить въ облегченье,
И покоя не вкушать.

Не прельщайте-жь, не маните,
Свѣтлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

---

[1]) Положили на музыку Макаровъ и Щуровскій.

Пѣсня [1]).

(1827 г.).

Если встрѣчусь съ тобой,
Иль увижу тебя—
Что за трепетъ—огонь
Разольется въ душѣ!

Если взглянешь, душа,—
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ
Предъ тобою стою!

Если молвишь мнѣ что—
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои,
Что сказать не сыщу.

А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ—
На землѣ, у людей,
Выраженья имъ нѣтъ!

Дѣва—радость души!
Это жизнь—мы живемъ!
Не хочу я другой
Жизни въ жизни моей!

---

[1]) Положили на музыку Вителяро, М. И. Глинка, Даргомыжскій, А. Рубинштейнъ и другія. (См. брошюру В. В. Огаркова: „А. В. Кольцовъ“. Спб. 1891 г. въ изд. Ф. Павленкова: „Жизнь замѣчательныхъ людей“.

Красавицѣ.

(1828 г.).

Ахъ, кто ты, дѣва красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И въ комъ чудесная мечта
Груди-бъ младой не взволновала,
Когда-бъ ты на скалѣ крутой,
Одна надъ бездною морской,
Какъ дѣва Пушкина, стояла—
Подъ бѣлой дымкой покрывала?
И вкругъ тебя, одеждой снѣжной,
Зефиръ привѣтливо-бъ игралъ;
По сгибу плечъ, по шеѣ нѣжной,
Свитыя кудри развивалъ?...
Когда-бъ, качаяся, дремало
Перо на шляпкѣ голубой;
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью дѣвственной, святой?...
Тогда-бъ, въ сердечномъ упоеньи,
Склонивъ колѣни предъ тобой,
Въ нѣмомъ и сладостномъ забвеньи,
Сгорѣлъ бы весь, какъ огнь степной!...

Ночлегъ Чумаковъ.

(1828 г.).

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.

Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся:
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...

И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!...

Примѣчаніе. Это стихотвореніе имѣетъ біографическое содержаніе, т. е. относится къ жизни самого Кольцова. Отецъ посылалъ Кольцова въ степь охранять гурты скота, которыми они торговали — потому въ письмѣ своемъ Кольцовъ и называетъ себя „гуртоправъ“.—Чумаки—названіе Малороссовъ (хохловъ). Чумаки любятъ пѣть пѣсни про старинныхъ героевъ своего края, боровшихся то съ Турками, то съ Ляхами (поляками).

Спящему младенцу.

(1828 г).

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!
Еще не знаетъ онъ, что́ скука.
Что́ безпредѣльная любовь,
И какъ тяжка любви разлука,
И какъ хладѣетъ въ сердцѣ кровь.
Не знаетъ жизненной заботы,
Тяжелыхъ сновъ и страшныхъ бѣдъ,
И міра гибельныхъ суетъ,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства свѣта и людей,
Надеждъ, желаній и страстей.

Теперь онъ рѣзвится, играетъ,
Незрѣлый умъ мечтой питаетъ;
Во снѣ испугъ его не будитъ,
Нужда до солнца встать не нудитъ,
Печаль у ложа не стоитъ—
Священнымъ сномъ невинность спитъ...
Но эти дни, какъ тѣнь, проходятъ,
Прекрасный міръ съ собой уводятъ...

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

Маленькому брату.

1828 г.

Рости счастливо, братъ мой милый,
Подъ кровомъ Вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ—простотою;
На сцену свѣта ты войдешь
Любимцемъ ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны,
И посохъ бѣдный понесешь—
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ
Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ—чѣмъ Богъ послалъ, послѣднимъ
Какъ съ роднымъ братомъ подѣлись.
Суму дадутъ—не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны: предъ Нимъ
Смирися съ дѣтской простотою—

И съ сердца грусть слетитъ, какъ дымъ.
Пробудишь струны—пой безъ лести!
Будь неподкупенъ въ дѣлѣ чести;
Люби Творца, своихъ владыкъ
И будь въ ничтожествѣ великъ.

Пѣсня.

1828 г.

Очи, очи голубыя! (¹)
Мнѣ васъ болѣ не встрѣчать!
Дѣвы, дѣвы молодыя!
Вамъ меня ужъ не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.

Ахъ, на что же оживили
Предо мной мои мечты,
Сердцу сладостныя были,
Ласки юной красоты?

Мнѣ-ль привѣтливымъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ-ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ.

---

¹) Положили на музыку Кладищевъ и Ромнусъ.

Осень.

(1828 г.).

Настала осень—непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей,
Угрюмѣетъ лице природы,
Не веселъ видъ нагихъ полей;
Лѣса одѣлись синей тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.
Все умираетъ, охладѣло;
Пространство дали почернѣло;
Нахмурилъ брови бѣлый день;
Дожди безсмѣнные полились;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска и сонъ, хандра и лѣнь.
Такъ точно немочь старца скучна;
Такъ точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

Путникъ.

(1828 г.).

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Трава пустынная шумитъ;
Какъ черный пологъ, ночь виситъ,
И даль пространная чернѣетъ;
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,

Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженъ случайною рукой,
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Унылый путникъ, запоздалый
Одинъ среди глухихъ степей,
Плетусь къ ночлегу; на своей
Клячонкѣ тощей и усталой
Держу я путь къ тому огню;
Ему я радъ, какъ счастья дню.
И кто такъ пристально, средь ночи,
Вперялъ на дѣву страстны очи,
Кто, не смыкая зоркихъ глазъ,
Кто такъ стерегъ условный часъ,
Какъ я, съ походною торбою,
Трясясь на клячѣ чуть живой,
Встрѣчалъ огонь во тьмѣ ночной?
То нашъ очагъ горить звѣздою,
То спѣетъ каша степняка,
Подъ пѣснь родную чумака!...

Размолвка.

(1828 г.).

Теперь яснѣй
Ужъ вижу я:
Огонь любви
Давно потухъ
Въ груди твоей.
Бывало ты—
Сестра и другъ;

Бывало ты—
Совсѣмъ не та!
А нынче—грѣхъ
И вымолвить,
Какъ ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незванный гость,
Долой съ двора!
Немилый другъ,
Не знай меня!
Ахъ, радъ не радъ—
Пришлось и мнѣ
Сказать съ слезой:
Прости, прощай,
Любезный другъ
И недругъ мой!

Разувѣреніе.

(1829 г.).

Да! жизнь не то, что говорили
Мои мнѣ книги и мечты;
Ее не даромъ заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренно встрѣчая
И утро дня благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ...
Дитя! я ласки расточалъ,
Я простиралъ мои объятья

Ко всѣмъ съ любовію, какъ братьямъ!
Пришла пора—узналъ и я,
Но ужъ не то, что прежде снилось,
Чѣмъ сердце юное плѣнилось,
О чемъ такъ сладко думалъ я...
Узналъ родныхъ—къ родству холодныхъ;
Въ друзьяхъ—предателей притворныхъ;
Въ толпахъ людей—толпы невѣждъ;
Обманчивость земныхъ надеждъ;
Въ обѣтахъ—лживые обманы;
Въ невинномъ взглядѣ—хитрый взоръ;
Въ умахъ возвышенныхъ—туманы,
Надутой глупости позоръ...
Богъ съ ними! Я страну земную
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ;
Душой постигнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ:
И странствуя безъ дальнихъ нуждъ,
Земли жилецъ, земного чуждъ.

Сестрѣ.

(1829 г.).

(При посылкѣ ей моихъ пѣсень).

Сестра! вотъ были чудныхъ сновъ,
Вотъ звуки самодѣльной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь—мгновенье,
Судьбы-жь кто знаетъ назначенье?

Быть можетъ, раньше я другихъ
Не окажусь въ семьѣ живыхъ.
Пройдетъ годъ, два—за суетою,
За лживой радостью мірскою,
Забудешь ты меня; но вмигъ
Когда-нибудь прочтешь мой стихъ,
Вспомянешь брата и вздохнешь,
И сладкихъ слезъ потокъ прольешь.

Примѣчаніе.—У Кольцова было три сестры; съ одною изъ нихъ онъ жилъ очень дружно до нѣкотораго времени.

Теремъ [1]).

(1829 г.).

Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ,
Я люблю всегда ходить,
Ночью тихой, ночью ясной,
Въ благовонный май прекрасный!

Чѣмъ же теремъ этотъ милъ?
Чѣмъ меня онъ такъ плѣнилъ?
Онъ не пышный, онъ не новый,
Онъ бревенчатый—дубовый!

Ахъ, въ томъ теремѣ простомъ
Есть съ раскрашеннымъ окномъ

[1]) Положилъ на музыку Ельховскій.

Разубранная свѣтлица:
Въ ней живетъ душа-дѣвица.

Какъ-то встрѣтился я съ ней—
Не свожу съ тѣхъ поръ очей;
Красна-жь дѣвица не знаетъ,
По комъ грудь моя вздыхаетъ.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженымъ не я:
Тотъ богатый; я безъ хаты—
Цѣлый міръ мои палаты!

Вѣщунъ сердце говоритъ:
Жить тебѣ, дѣтинкѣ [1]), жить
Не съ женою молодою—
Съ чужой-дальней стороною...

---

* *
*
(1829 г.).

Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный [2])
Въ тѣнистой рощѣ соловья;
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья.

Прошла пора! но въ дни былые
Я слушалъ филомелы [3]) гласъ;

---

[1]) Замѣчательное слово: „дѣтинка", рѣдко встрѣчаемое у писателей.
[2]) Положили на музыку цыгане.
[3]) Филомела—Греческое названіе соловья

Тогда-то въ сумраки густые
Веселья огнь во мнѣ не гасъ.

Тогда съ Анютой милой, нѣжной,
Часовъ полета не видалъ;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздникъ жизни пировалъ.

Теперь-же, о друзья! со мною
Анюты скромной болѣ нѣтъ...
Съ другимъ она... и я съ тоскою
Встрѣчаю дня огнистый свѣтъ.

Такъ мнѣ-ль внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья?
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья...

---

* *
*

(1829 г.).

По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ [1]),
Во саду дорожка:
На нее-бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка...

Тамъ съ кувшиномъ за водой
Маша проходила,
Томный взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.

---

[1]) На музыку положили Дюбюкъ, Мусоргскій и Кавеланъ.

„Маша, Маша! молвилъ я:
Будь моей сестрою!
Я люблю... любимъ ли я,
Милая, тобою?“

Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла!

Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала,
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой первитое.

Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ нигдѣ ужъ, никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!...

А. П. Серебрянскому.

(1829 г.).

Не посуди: чѣмъ я богатъ,
Послѣднимъ подѣлиться радъ;
Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ очень много:
Здѣсь каждый стихъ—чай, грѣшный бредъ.
Что-жь дѣлать! я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ!
Но не щади ты недостатки,
Замѣть, что требуетъ поправки...
Когда-бъ, свобода, время, чинъ,
Когда-бъ, примѣрно, господинъ
Я былъ такой, чтобъ только съ трубкой
Сидѣть день цѣлый и зѣвать,
Роскошно жить, безпечно спать:
Тогда, клянусь тебѣ! не шуткой
Я-бъ вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ.
Теперь я самъ—собой поэтъ,
Теперь мой геній... но довольно!
Душа груститъ моя невольно.
Я чувствую, мой милый другъ,
Съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ
Владѣетъ ею не напрасно!
Нѣтъ! я не даромъ сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!...

Примѣчаніе.—И это стихотвореніе біографическаго характера. Оно написано Дмитрію Антоновичу Кашкину, книгопродавцу города Воронежа, дававшему Кольцову

книги для чтенія. Прежде это стихотвореніе имѣло такое заглавіе: А. П. Серебрянскому (Андрею Порфирьевичу Серебрянскому)—но потомъ, когда на толкучкѣ, въ Воронежѣ, по смерти Кольцова, куплены были черновыя его тетради (и куплены за нѣсколько грошей), то ученые по этимъ тетрадямъ узнали, что означенное стихотвореніе должно носить заглавіе: Д. А. Кашкину: такъ самъ Кольцовъ въ черновыхъ своихъ тетрадяхъ писалъ. (Его руку знали земляки Кольцова и его близкіе знакомые. Подробности этой находки описаны въ журналѣ: „Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 999 и д).—Въ черновой тетради это стихотвореніе начинается такъ:

„Тебѣ, безцѣнный милый другъ,
Я посвящаю свой досугъ,
Но признаюсь въ немъ умъ твой строгой
Найдетъ ошибокъ много, много“.

Люди добрые, скажите [1]).

(1829 г.).

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый? Вы молчите!
Злую-ль тайну вы храните?

За далекими-ль горами
Онъ живетъ одинъ, тоскуя?

[1]) На музыку положилъ Божановскій.

За степями-ль, за морями
Счастливъ съ новыми друзьями?

Вспоминаетъ ли порою:
Чья любовь къ нему до гроба?
Иль, забывъ меня, съ другою
Связанъ клятвой вѣковою?

Иль ужъ ранняя могила
Приняла его въ объятья?
Чья-жь слеза его кропила?
Чья душа о немъ грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

Первая любовь.

(1830 г.).

Что душу въ юности плѣнило,
Что сердце въ первый разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило—
И полюбило не на часъ,
То все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цѣль найтить,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно все: тѣнь прежней милой

Нельзя забыть!
Уснешь—непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!...
И вновь любви привѣтный гласъ
Я внемлю страждущей душою...
Когда-жь ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ, иль вѣчности съ тобою?...

Къ рѣкѣ Гайдарѣ.

(1830 г.).

Стою, зловѣщей думы полнъ,
При шопотѣ, при плескѣ волнъ...
Гайдарь! все тѣми-жъ ты волнами
Катишься вдаль, какъ и всегда,
Такими-жъ свѣтлыми водами
Поишь людей, поишь стада,
И тѣ-жь въ тебѣ глядятся горы
И моются корни лѣсовъ;
Все тѣ-жь кругомъ поля, озеры,
Все такъ-же ночью вдоль бреговъ,
На лодкѣ легкой и качливой,
Плыветъ веселый рыболовъ;
По влагѣ сонной, прихотливой,
Кидаетъ сѣть онъ—и впередъ
Весломъ размашисто гребетъ,
И пѣснь Украйны, для забавы,
Безъ мыслей, безъ желаній славы,
Напѣвомъ прадѣда поетъ;

Катись, Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!
Твой вѣкъ тебѣ не измѣнилъ;
А я, старикъ, всю жизнь прожилъ...
Гдѣ-жь вы, благія упованья,
Гдѣ ты, священный сердца жаръ?...
Катися, свѣтлая Гайдарь,
Неси съ собой мои стенанья!

Веселый часъ [1]).

(1830 г.).

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость—мгновенье,—
Пейте до дна!
Громкія пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Нынѣ пируемъ—
Юность на часъ—
Нынче веселье,
Радость у насъ!
Завтра что будетъ,
Знаю-ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!

---

[1]) На музыку положили Аѳанасьевъ, Алябьевъ, Дюбюкъ и др.

Лейте въ бокалы
Больше вина!
Ну-те-жь все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

Что̀ значу я?

(1830 г.).

Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу,
И, вѣчно недовольный, плачу!
Чего-жь ищу? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на что гожусь?
Есть люди—до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать:
Но что до нихъ! пусть, какъ хотятъ,
О всемъ серьезно разсуждаютъ.
Я недоросль—я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойдусь-ли—посмѣюсь;
Съ прекраснымъ встрѣчусь—имъ плѣнюсь;
Съ несчастнымъ—отъ души поплачу,
И не стараюсь знать—что̀ значу.

Вздохъ на могилѣ Веневитинова [1]).

(1830 г.).

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли?
Когда-бъ онѣ сказалися вполнѣ—
Кого-бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,
Какъ юный лебедь величавый,
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы
Едва началъ—и стихъ средь юныхъ лѣтъ!

Утѣшеніе.

(1830 г.).

Какъ жаль, что счастія звѣзда
На небѣ вашемъ закатилась!
Но развѣ горесть навсегда
Съ судьбою вашей породнилась?
Пройдетъ зима—настанетъ май:
Бѣда глупа—взведетъ на счастье.
Всякъ Провидѣнью довѣряй:
Оно насъ цѣнитъ безъ пристрастья.
Пусть, кто доволенъ здѣсь неправо,

---

[1]) *Веневитиновъ*, Димитрій Владиміровичъ—одинъ изъ даровитыхъ второстепенныхъ поэтовъ временъ Пушкина, — жилъ очень недолго: отъ 1805 г. до 1827 г.,—недолго жилъ, но подавалъ блестящія надежды какъ стихотвореніями своими (напр.: „Къ тебѣ, о чистый Духъ“, „Любителю Музыки“ и пр.), такъ и критическими статьями (о Пушкинѣ). Онъ писалъ и философскія письма, содержащія въ себѣ глубокія мысли. Писатели сожалѣли о его преждевременной кончинѣ.

Или неправо кто гонимъ...
Земныя радости—съ отравой,
Отрава—съ счастіемъ земнымъ.
Все постоянно лишь за моремъ,
И потому, что насъ тамъ нѣтъ;
А между тѣмъ кто минутъ горемъ?
Никто—таковъ ужь бѣлый свѣтъ!...

Примѣчаніе.—Кольцовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ называетъ эту піесу слабою. Слабыми, даже „гадкими піесенками“ онъ называлъ и слѣдующія: „Перстенечекъ золотой“, „Женитьба Павла“, „Плачъ души“, „Спящій юноша“ и просилъ редактора одного журнала „не печатать такихъ дрянныхъ піесъ.“

---

* * *

(1830 г.)

О, не кажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, такъ нѣжно не гляди;
Со мной рѣчей не заводи;
Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна;
Какъ недруга, пренебрегай!
Въ бесѣдахъ—съ злобою нѣмою
Со мною встрѣчи убѣгай.
Ахъ, ты неправдою такою,
Меня, быть можетъ, охладишь
И къ счастью счастія лишишь.

Совѣтъ старца.

(1830 г.).

Скучно съ жизнью старческой,
Скучно, други, въ мірѣ жить;
Грустно среди пиршества,
О могилѣ взгадывать,
И съ сѣдою мудростью
Къ ней, наморщась, двигаться.
Поспѣшайте жь, юноши,
Наслаждаться жизнію!
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много-ль разъ роскошная,
Въ годъ, весна является?
Много-ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью?
Муравою бархатной,
Парчей раззолоченой?
Не одно-ль мгновеніе
И веснѣ и юности?

Къ ней.

(1830 г.).

Опять тоску, опять любовь
Въ моей душѣ ты заронила,
И прежнее, былое вновь
Привѣтнымъ взоромъ оживила.
Ахъ! для чего мнѣ пламенѣть
Любовью сердца безнадежной?

Мой кроткій ангелъ, другъ мой нѣжной,
Не мой удѣлъ тобой владѣть!
Но я любимъ, любимъ тобою!
О, для чего же намъ судьбою
Здѣсь не даны въ удѣлъ благой,
На зло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!...
Горю огнемъ любви святымъ,
Довѣрься-жь, хоть на мигъ, моимъ
Объятіямъ! я не нарушу
Священныхъ клятвъ—ихъ грудь хранитъ,
И, вѣрь, страдальческую душу
Преступное не тяготитъ...

Кольцо [1]).

(1830 г.).

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Безъ него для меня
Ты не надобно;

[1]) На музыку положили Булаховъ, Гурилевъ, Даргомыжскій и др.

Безъ него на рукѣ—
Камень на сердцѣ.

Что взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

Возвратится-ли онъ?
Или вѣсточкой
Оживитъ-ли меня
Безутѣшную?

Нѣтъ надежды въ душѣ...
Ты разсыпься же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огнѣ кольцо
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

Пѣсня старика [1]).

(1831 г.).

Осѣдлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола

---

[1]) На музыку положили Балакиревъ, Варламовъ, Соколовъ и др.

Чрезъ поля, за моря
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь—и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

Размышленіе поселянина.

(1831 г.).

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось.
Какъ одну я пѣсню,
Пѣсню молодую,
Пою, запѣваю
Старою погудкой;
Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ,
Только мнѣ на свѣтѣ
Перемѣны нѣту.
Сынъ пошелъ на службу,
А другой въ могилу;

Двѣ вдовы невѣстки:
У нихъ дѣтей кучи—
Все малъ-мала меньше;
Задной [1]) головою
Ничего не знаютъ,
Гдѣ пахать, что сѣять
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать, подъ старость,
Меня горемыку
Такой тяготою.
Сбыть съ двора невѣстокъ,
Пустить сиротъ въ люди—
Старики, на сходкѣ,
Про Кузьму, что скажутъ?
Нѣтъ, мой згадъ [2]), ужь лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ—
Тому невиди́мо
Господь посылаетъ.
Посмотришь—одинъ я
Батракъ и хозяинъ;
А живу чѣмъ хуже
Людей семьянистыхъ?
Лиха-бѣда, въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть;

---

[1]) За одной.

[2]) *Згадъ*—дума. Словарь *В. И. Даля* (гадывать, гадать—вздумать).

А тамъ Богъ уродитъ,
Микола [1]) подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля,
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божій праздникъ встрѣтить.

Къ другу.

(1831 г.).

Развеселись, забудь, что было!
Чего ужь нѣтъ—не будетъ вновь!
Все-ль намъ на свѣтѣ измѣнило?
И все-ль взяла съ собой любовь?
Еще отрадъ у жизни много,
У ней мы снова погостимъ:
Съ однимъ развелъ насъ опытъ строгой,
Поладимъ, можетъ-быть, съ другимъ!
И что мы въ жизни потеряли—
У жизни снова мы найдемъ!
Что намъ мгновенныя печали?
Мы-ль ихъ съ тобою не снесемъ?
Что грусть земли? ужель за гробомъ
Ни жизни, ни награды нѣтъ?

---

[1]) Св. Чудотворецъ *Николай*, архіепископъ города „Миры" (въ Ликіи, въ Азіи). Жилъ до глубокой старости. Почилъ въ 342 году.

Ужели тамъ, за синимъ сводомъ
Ничтожество и тьма живетъ?
Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
Кто въ мірѣ за-живо умретъ,
Тотъ тамъ, за дальней синевою,
Награды вѣрныя найдетъ!
Не вѣрь истлѣнія кумиру,
Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
Не вѣрь пророчащему міру,
Но вѣруй, вѣруй небесамъ!
И пусть меня людская злоба
Всего отраднаго лишитъ,
Пусть съ колыбели и до гроба
Лишь зломъ и мучитъ, и страшитъ,
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разувѣрюсь я;
Могильной тѣнью въ прахъ низринусь,
Но скорби не отдамъ себя!..

Соловей [1]).

(1831 г.).

(Подражаніе Пушкину).

Плѣнившись розой, соловей
И день, и ночь поетъ надъ ней;
Но роза, молча, пѣснямъ внемлетъ;
Невинный сонъ ее объемлетъ...

---

[1]) На музыку переложили: А. Рубинштейнъ, Данилевскій, А. Глазуновъ и другіе.

На лирѣ [1]) такъ пѣвецъ иной,
Поетъ для дѣвы молодой;
Онъ страстью пламенной сгараетъ
А дѣва милая не знаетъ —
Кому поетъ онъ? отчего
Печальны пѣсни такъ его?...

Пѣсня Пахаря [2]).

(1831 г.).

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

---

[1]) *Лира*—музыкальный инструментъ, а здѣсь разумѣются стихотворенія. Стихотвореніе *Пушкина*, которому здѣсь подражаетъ Кольцовъ, читается такъ:

„Въ безмолвіи садовъ, весной во мглѣ ночной
Поетъ надъ розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь, она цвѣтетъ; взываешь—нѣтъ отвѣта!“
(Написано Пушкинымъ 1827 г.).

[2]) Положили на музыку Бороздинъ и Самсонова.

Весело на пашнѣ;
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Пѣсня [1]).

(1832 г.).

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-дѣвицы,
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея, ночью, мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;

---

[1]) Положили на музыку семь человѣкъ: Варламовъ, Зайцевъ, Монюшко, Паскуа, А. Рубинштейнъ, В. Соколовъ и Шель.

Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.

Безъ нея кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Безъ нея на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по—сердцу?

Что-жь поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

Домъ Лѣсника [1]).

(1832 г.).

Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой,
Стоитъ домикъ небольшой,
Съ двумя свѣтлыми окнами,
Съ распашными [2]) воротами.

Подъ замкомъ тѣ ворота,
И калитка заперта,
Чтобъ не вшелъ туда рогатый
Лѣшій, страшный и косматый;

---

[1]) На музыку переложилъ Главачъ.

[2]) Распашныя ворота—двустворчатыя. Словарь В. И. Даля.

Чтобъ не вшелъ туда упырь [1],
Ни проѣзжій богатырь.
Кто-жъ живетъ здѣсь одиноко,
Отъ жилья кругомъ далеко?

Рыболовъ-ли небогатый?
Иль разбойникъ бородатый
Въ немъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной?

Живетъ въ домѣ съ давнихъ поръ,
Караулитъ царскій боръ—
Лѣсной староста, съ женою,
Съ третьей дочкой молодою.

И для ней старикъ сѣдой
Замыкаетъ домикъ свой,
Чтобы въ каменны палаты
Не увезъ купецъ богатый;

Чтобъ бояринъ окружной [2])
Не прильнулъ-бы къ молодой
Безотвязной павиликой—
Чтобъ не быть ей горемыкой.

---

[1]) Упырь—оборотень, бродящій по ночамъ вѣдмакомъ, волкомъ и засасывающій людей и скотину,—кровососъ (вампиръ). Словарь В. И. Даля.

[2]) Относящійся къ округу.

Поэтъ и Няня.

(1833 г.).

„Няня, няня! правда-ль это,
Что здѣсь сказано поэтомъ?
Будто мнѣ не вѣкъ играть:
Что достанется узнать
Дѣвушкѣ дѣвичье горе,
Своенравное, какъ море;
И что мнѣ теперь такъ мило,
Будетъ горестно, постыло,
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День-ли весело проснется—
Дѣва дню не улыбнется;
Выйдетъ съ грустью на крыльцо
Освѣжить свое лицо.
Поглядитъ-ли на дубравы,
На невинныя забавы,
На шелковые луга,
На зеленые брега—
Все подъ твердью [1]) голубою
Дышетъ радостью земною;
Ей лишь скучно, и слеза
Оросить ея глаза“...
— И!... не вѣрь, мое дитя,
Они гуторятъ шутя;
Ихъ ты сказкамъ не внимай,
Плюнь на книжку! пой, играй!

---

[1]) Твердь—небо.

Великая Тайна [1]).

(1833 г.).

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа...

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
„Чѣмъ кончилось дѣло?“
—Вопроси другова,—
Каждый отвѣчаетъ.

Смѣлый умъ, съ мольбою,
Мчится къ Провидѣнью:
Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный.
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

---

[1]) Переложилъ на музыку Римскій-Корсаковъ.

Что-же совершится
Въ будущемъ съ природой?..
О гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Крестьянская Пирушка [1]).

(1834 г.).

Ворота тесовы [2])
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,
На сосновыхъ скамьяхъ,
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя;

---

[1]) Въ изданіи 1835 г. такое было заглавіе: „Пирушка Русскихъ поселянъ“.

[2]) Положили на музыку Дюбюкъ и Мусоргскій.

Бахрамой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу *горькова*;
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичьей.

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ:
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?

Гости пьютъ и ѣдятъ;
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ

Въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

Удалецъ [1]).

(1833 г.).

Мнѣ-ли, молодцу,
Разудалому,
Зиму—зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ-ль поля пахать?
Мнѣ-ль траву косить,
Затоплять овинъ,
Молотить овесъ?

Мнѣ поля—не другъ,
Коса—мачиха,
Люди добрые—
Не сосѣди мнѣ.

Если-бъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный [2]) ножъ,
Да темны лѣса!

Сняряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну чекмень [3]),
Полечу въ лѣса!

---

[1]) Переложили на музыку Балакиревъ и Эрарскій.
[2]) *Булатъ*—Азіятская узорочная сталь. *В. И. Даль.*
[3]) *Чекмень*—крестьянскій кафтанъ, съ перехватомъ. *В. И. Даль.*

Стану въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить...
Удалой башкой
Въ околоткѣ слыть.

Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь-ли—
Всякій молодцу,
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью встрѣчнаго,
Мужика-глупца,
За желѣзный грошъ!

Но не грѣхъ-ли мнѣ
Будетъ отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе?

Въ церкви попъ Иванъ
Міру гуторитъ,
Что душой за кровь
Злодѣй платится...

Лучше-жъ воиномъ,
За Царевъ законъ,
За крещеный міръ,
Сложить голову!...

Примѣчаніе. Въ первомъ изданіи стихотвореній Кольцова (М. 1835 г., редакція Н. В. Станкевича) въ этомъ стихотвореніи не было слѣдующихъ строкъ: „Стану въ

тѣхъ лѣсахъ“ и до послѣдняго куплета. Предпослѣдній куплетъ такъ читался:

„Любо въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить...
Но душой за кровь
Злодѣй платится“.

Не шуми ты, рожь [1]).

(1834 г.).

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!
Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!
Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе
Не своей душѣ —
Душѣ-дѣвицѣ.
Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!
И тѣ ясныя
Очи стухнули,

---

[1]) Положили на музыку Воротниковъ Гурилевъ, Кушелевъ-Безбородко и другіе.

Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!
Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Урожай [1]).

(1835 г.).

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется;

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;

Нагустилъ его
Въ тучу черную,
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась—
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

---

[1]) Напечатано въ „Современникѣ“ 1836, № 2, изд. *А. С Пушкина*

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся,

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою;

За одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали—
Богу-Господу
Помолилися;

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

Посмотрю—пойду,
Полюбуюся,
Что̀ послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.

Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить по̀дъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Примѣчаніе.—Религіозное настроеніе, проявляющееся въ этомъ стихотвореніи, напоминаетъ стихотвореніе *Жуковскаго* „Овсяный кисель“, переведенное имъ 1816 г. съ нѣмецкаго. „Овсяный кисель“ Гебеля въ переводѣ Жуковскаго написанъ на ту мысль (тему), что хлѣбъ есть даръ Божій, что самые колосья поспѣвающаго хлѣба на нивѣ сохраняются Ангелами Божьими. Приведемъ здѣсь для сравненія слѣдующіе стихи:

„Наша былиночка... листки распустила...
Кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ.
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто-же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Кольцовъ говоритъ, что онъ, бывши *мальчикомъ*, училъ наизусть „Творенія“ Жуковскаго... Неудивительно, что главныя идеи нашего знаменитаго поэта производили на будущаго поэта— „гуртоправа“ свое воспитательное дѣйствіе и развивали въ немъ благочестивое направленіе.

Глаза [1]).

(1835 г.).

Погубили меня
Твои черны глаза:
Въ нихъ огонь неземной
Жарче солнца горитъ!

Омрачитесь, глаза,
Охладѣйте ко мнѣ!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!...

Не глядите-же такъ,
О, не мучьте меня!
Въ васъ, страшнѣе грозы,
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое!

---

[1]) Двѣнадцать композиторовъ положили на музыку эту пѣсню: Бобриковъ, Варламовъ, Дерфельдъ, Милашкинъ, Рахмановъ, Титовъ и др. См. брошюру г. Огаркова: А. В. Кольцовъ въ изд. Ф. Павленкова Спб. 1891: „Жизнь замѣчательныхъ людей“.

Мучьте жаждой любви!
Я горю—и въ жару
Безконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, черны глаза,
Васъ съ любовью встрѣчать,
И опять, и опять
Горевать и страдать!

Женитьба Павла [1]).

(1836 г.).

Павелъ дѣвушку любилъ,
Ей подарковъ надарилъ:
Два аршина касандрики [2]),
Да платокъ, да черевики,

Да китаечки [3]) конецъ,
Да золоченный вѣнецъ;
Она стала щеголиха,
Какъ богатая купчиха.

Плясать въ улицу пойдетъ,
Распотѣшитъ весь народъ;
Пѣсни-ль на́ голосъ заводитъ,
Словно зельями обводитъ.

---

[1]) На музыку положилъ Дюбюкъ.

[2]) *Касандрика*—красная бумажная полосушка, на рубахи. *В. И. Даль.* — *Черевики*—башмаки.

[3]) *Китайка*—простая бумажная ткань, начально мутно-желтая, и вывезенная изъ Китая. *В. И. Даль.*

Одаль молодцы стоятъ,
Межъ собою говорятъ:
„Всѣ мы ходимъ за тобою;
Чьей-то будешь ты женою?“

Говорите. Самъ-третей,
Запрягъ Павелъ лошадей,
Везть товары подрядился;
Кой-гдѣ зиму волочился,

И, разгòрившись [1]) казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой;
Въ гости рòдныхъ созываетъ,
Свахой тетку наряжаетъ...

Большой выкупъ далъ отцу—
Кладъ достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Двѣ недѣли пировали.

Могила.

(1836 г.).

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ.
Чья жизнь отжилася?

---

[1]) *Разгдриться*—разжиться. Словарь Живаго Великорусскаго языка. *В. И. Даля.*

Чей кончился путь?
Татаринъ-ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью,
Горячею брызнулъ
На русскую быль?...
Или молодая
Жница--поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его,—
И подъ яснымъ небомъ
Въ полѣ на просторѣ
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя [1])?...

Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ,
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!...

---

[1]) „Положенъ дитя"—замѣчательное согласованіе по смыслу, а не по грамматическому роду.

Великое Слово.

(В. А. Жуковскому).

(1836 г.).

Глубокая вѣчность
Огласилась словомъ:
То слово—„да будетъ!“
„Ничто“ воплотилось
Въ тьму ночи и свѣтъ;
Могучія силы
Сомкнуло въ міры,
И чудной, прекрасной
Повѣяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошнымъ эдемомъ,
И духъ воплощенный—
Владѣтель земли—
Съ челомъ вѣчно-юнымъ,
Высокимъ и стройнымъ,
Съ отсвѣтомъ свободы
И мысли во взорѣ,
На свѣтлое небо,
Какъ ангелъ, глядѣлъ...

Свобода, свобода!...
Гдѣ-жъ рай твой веселый?
Слѣды твои страшны,
Отмѣчены кровью
На пестрой страницѣ
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Безславную землю!...

Но слово: „да будетъ!“
То вѣчное слово
Не мимо идетъ:
Въ хаосѣ печали,
Въ полуночномъ мракѣ
Надземныхъ судебъ,
Божественной мыслью,
На древѣ креста
Сіяетъ и свѣтитъ
Терновый вѣнецъ...

И горькія слезы,
Раскаянья слезы,
На блѣдныхъ ланитахъ
Земнова Царя
Зажглись упованьемъ
Высокимъ и свѣтлымъ,—
И духъ вдохновляетъ
Мятежную душу,—
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно—искупленье
Прекраснаго рая...

Да будетъ!—и было,—
И, видимъ,—и будетъ...
Всегда—безъ конца.
Кто-жь Онъ, Всемогущій?
И гдѣ обитаетъ?
Нѣтъ Богу вопроса,—
Нѣтъ мѣры Ему!...

Примѣчаніе.—„Великое Слово“ посвящено знаменитому нашему поэту В. А. Жуковскому (1783—1852 гг.).

В. А. Жуковскій, надо полагать, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ извѣстности Кольцова. Путешествуя по Россіи вмѣстѣ съ Е. И. В. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ (впослѣдствіи Императоромъ) въ качествѣ его воспитателя, В. А. Жуковскій въ Воронежѣ посѣтилъ „поэта-прасола“ и знакомилъ его со многими писателями, и у себя принималъ неоднократно, помогалъ ему и въ дѣлахъ житейскихъ (судебныхъ). Наглядное представленіе объ отношеніи Жуковскаго, этого добрѣйшаго изъ людей, показываетъ слѣдующая выписка изъ письма Кольцова (1838 г.): „Снова нарушаю вашъ покой, снова, можетъ, въ эту минуту я прерываю священныхъ вашихъ трудовъ любимыя мечты, которыми съ давнихъ поръ воспламенялъ и теперь воспламеняю мою холодную душу. Не нарушать, молиться-бъ мнѣ за нихъ должно... Бывало въ тѣсной моей комнатѣ поздно вечеромъ сидѣлъ одинъ и велъ бесѣду съ вами, *Пушкинымъ*, кн. *Вяземскимъ* [1]) и *Дельвигомъ* [2]). Какъ хорошо тогда мнѣ было! Какою полною жизнію жила моя душа въ безпредѣльномъ мірѣ красоты и чувства! На легкихъ крылахъ вашей фантазіи куда не уносился я мечтою! Гдѣ не былъ я тогда! Бывало скоро свѣтъ, а я сижу-да думаю, не сводя глазъ съ портретовъ вашихъ: какъ хороши эти люди, Боже мой! какъ хороши!“

---

[1]) Князь Петръ Андреевичъ *Вяземскій* (1792—1878)—одинъ изъ плодовитыхъ и разностороннихъ нашихъ писателей: поэтъ, критикъ. Его сочиненія изданы въ 12-ти томахъ.

[2]) Баронъ Антонъ Антоновичъ *Дельвигъ*, другъ Пушкина, писалъ во времена Пушкина. Извѣстны его пѣсни („Ахъ ты, ночь-ли ноченька“) идилліи (т. е. картинки простой жизни), и лучшая изъ послѣднихъ „Отставной солдатъ“. Издавалъ газету „Время жизни“ 1793—1831.

Божій Міръ.

(1836 г.).

Отецъ свѣта—вѣчность,
Сынъ вѣчности—сила;
Духъ силы—есть жизнь,
Міръ жизнью кипитъ.
Вездѣ Тріединый,
Воззвавшій все къ жизни!
Нѣтъ вѣка Ему!
Съ величества трона,
Съ престола чудесъ
Божій образъ—солнце
Къ намъ съ неба глядитъ
И днемъ повѣряетъ
Всемірную жизнь.
Въ другомъ мѣстѣ неба
Оно отразилось—
И мѣсяцемъ землю
Всю ночь сторожитъ.
Тьма, на лонѣ ночи
И живой прохлады,
Всѣ стихіи міра
Сномъ благословляетъ.
Въ царствѣ Божьей воли,
Въ переливахъ жизни,
Нѣтъ безсильной смерти,
Нѣтъ бездушной жизни!

Примѣчаніе.—Это стихотвореніе и нѣкоторыя другія, въ которыхъ Кольцовъ силится разрѣшить великія тайны, отъ человѣка скрытыя, носятъ названіе „думъ“ и рѣзко отличаются по своему строю отъ его пѣсенъ. „Ду-

мы“ содержатъ разныя разсужденія, сомнѣнія, начавшія занимать Кольцова, въ особенности тогда, когда онъ познакомился съ кружкомъ Н. В. Станкевича, просвѣщеннаго студента Московскаго Университета, бывшаго за границей, изучавшаго тамъ науку мудрости (называемую философіею) и образовавшаго около себя въ Москвѣ кружокъ молодыхъ людей, жаждавшихъ познаній. И въ письмахъ своихъ Кольцовъ замѣчаетъ, что онъ слушалъ разсужденія этого кружка, но многаго не понималъ: такъ онъ не понималъ слова „*абсолютъ*“. На память о такомъ сближеніи Кольцова, „поэта-гуртоправа“ съ молодыми философствующими умами 30-хъ годовъ XIX в. остались его думы.—Мы уже прежде говорили, что Кольцовъ въ „слезной молитвѣ“ находилъ успокоеніе отъ своихъ сомнѣній и размышленій.

Неразгаданная Истина.

(1836 г.).

Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ таинствахъ вселенной,
До сѣдинъ учился
Мудрости священной.

Всѣ вѣка былые
Съ новыми повѣрилъ;
Чудеса земныя
Опытомъ измѣрилъ.

Мелкія причины
Тѣшились людями;
Карлы-властелины
Двигали мірами.

Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
Въ бездну низвергались.

Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою—
Тамъ, въ обломкахъ, царство
Заростетъ травою...

Племена другія
На нихъ поселятся,
Города большіе
Людьми разродятся.

Сторона пустая
Снова зацарюетъ—
И жизнь молодая
Шумно запируетъ!

Подсѣку-жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья!

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Цвѣтокъ [1]).

(1836 г.).

Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье,
На мигъ взлелѣянный весной,
Безвѣстенъ ты въ степи глухой!

Скажи: зачѣмъ же такъ алѣешь?
Росой заискрясь, пламенѣешь,
И дышишь чѣмъ-то, какъ живымъ,
Благоуханнымъ и святымъ?

Ты для кого въ степи широкой,
Ты для кого отъ селъ далеко?
Не для крылатыхъ-ли друзей,
Поющихъ въ воздухѣ степей?

Для нихъ-ли, въ роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цвѣтами,
И обаяньемъ для души,
Вы, травы, зрѣете въ тиши?

О, пой, косарь! зови пѣвицу,
Подругу, красную дѣвицу,
Пока еще, шумя косой
Не тронулъ ты травы степной!

Примѣчаніе.—Это стихотвореніе Кольцовъ поднесъ Ѳедору Николаевичу Глинкѣ и супругѣ его Авдотьѣ Павловнѣ (писателямъ того времени); вотъ что пишетъ Кольцовъ 9 Дек. 1736 года:

---

[1]) Положилъ на музыку Дюбюкъ.

„Ваше Превосходительство Ѳедоръ Николаевичъ и Авдотья Павловна! До того вы ко мнѣ были ласковы и добры, что не побрезгали посѣтить мой простой уголокъ (въ Воронежѣ). Сколько радости, сколько удовольствій чувствовалъ въ минуту вашего посѣщенія. Да! можетъ быть, это первыя лучшія минуты моей шереховатой жизни [1])... Я не говорю, что со мной тогда было (въ Октябрѣ 1836 г.), но и теперь, когда думаю: Ѳедоръ Николаевичъ и Авдотья Павловна были у меня, вотъ здѣсь въ домѣ, вотъ въ этой самой комнатѣ,—и душѣ вдругъ станетъ что-то грустно и сладко, тепло и отрадно...“ Далѣе говоритъ, что пѣсни Глинки вдохновили его писать свои пѣсни: „виновники ихъ—вы. Примите ихъ, ваши они!“—И поднесъ своимъ гостямъ „Цвѣтокъ“, прибавляя, что нѣсколько словъ въ концѣ этой піесы поправилъ Ѳ. Н. Глинка [2]).

Пѣсня [3]).

(1836 г.).

Перстенечикъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви,
Въ очи черныя гляди.

---

[1]) Кольцовъ называетъ свою жизнь *шереховатою*. Объясненіе тому мы находимъ въ слѣдующемъ его письмѣ отъ 1836 года: „Дома я одинъ, дѣлъ много: покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ селы (sic); дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полуночи.“

[2]) Ѳ. Н. Глинка 1826 г. издалъ свои религіозныя стихотворенія подъ названіемъ „Опыты священной поэзіи“.—А. Н. Глинка составила замѣчательную книгу: „Жизнь Божіей Матери“.

[3]) Десять композиторовъ положили на музыку эту пѣсню: Рубинштейнъ, Варламовъ, Пригожій, Барановичъ, Демидовъ и др.

Если грустно будетъ ей—
Ты потускни, почернѣй;
Если радость—измѣнись,
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья-ли придетъ,
Душа чувство изживетъ:
Тогда, перстень дорогой,
Почернѣй ты самъ-собой!

Примѣчаніе.—Эту пѣсню Кольцовъ считалъ слабою и недостойною печатанія. См. выше примѣчаніе при стихотвореніи „Утѣшеніе“.

Молодая Жница [1]).

(1836 г.).

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю-матушку.
Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.
Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ-гормо все
Лицо бѣлое
Голова со плечъ

---

[1]) На музыку положили: Вильбоа, Махотинъ и Христіановичъ.

На грудь клонится,
Колосъ срѣзанный
Изъ рукъ валится...
Неспроста—ума
Жница жнетъ—не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается.
Охъ, болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!
Она шла вчера—
Нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла—себѣ
По малинушку;
Повстрѣчался ей
Добрый молодецъ;
Ужъ не въ первый разъ
Повстрѣчался онъ.
Повстрѣчается,
Будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ
Какъ-то жалобно.
Онъ вздохнулъ, запѣлъ
Пѣсню грустную—
Далеко въ лѣсу
Раздалась та пѣснь;
Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась [1]) она
И запала въ ней...

[1]) Озвалася, т. е. отозвалася.

Душно, жарко ей,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи...

Человѣкъ.

(1836 г.).

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!

То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ...

Дастъ желаньямъ-ли свободу—
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ-ли волю—
Подъ нимъ море закипитъ.

Но измѣнятся стремленья,
Озарится свѣтомъ умъ:
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ...

Умолкшій поэтъ.

(1836 г.).

Съ душею пророка,
Съ печатью величья
На гордомъ челѣ,
Родился младенецъ
На диво землѣ.

Земныя богини,
Какъ хитрыя дѣвы,
Манили младенца
Роскошной мечтою,
Притворною лаской
Любовь обманули;
Сожгли поцѣлуемъ
Румянецъ лица;
Сорвали улыбку—
Сіянье души.
Напрасно таилъ онъ,
Напрасно берегъ
Дары вдохновеній
Отъ горняго міра
Для жизни земной;
Напрасно онъ райской
И звучною пѣсней,
Родимыя дебри,
Поля оглашалъ:
Пустыня молчала...
Толпа отступилась
Отъ взоровъ пророка!
Высокое чувство

И жаръ вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смѣшны ей и радость,
И горе поэта...
Сгори онъ въ пожарѣ
Презрѣнныхъ страстей—
Она, какъ вакханка [1]),
Его зацѣлуетъ,
И братскимъ восторгомъ,
Нечистымъ, постыднымъ,
На вѣкъ заклеймитъ...

Очарованъ утромъ,
Обманутый полднемъ,
Одѣтый вечернимъ
Туманомъ и тѣнью
Загадочной жизни,—
Глядитъ равнодушно
Безмолвный поэтъ...
Ты думаешь: палъ онъ?
Нѣтъ, ты не замѣтилъ
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взорѣ его...

---

[1]) *Вакханка*—женщина, посвятившая себя служенію Вакху—богу вина и веселья, по вѣрованію древнихъ.

Косарь [1]).

(1836 г.).

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего-же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ [2]).
У меня-ль плечо
Шире дѣдова,
Грудь высокая—
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю—
Все мнѣ спорится;
Да въ несчастный день,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью,
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,

---

[1]) На музыку положилъ Мещериновъ.

[2]) *Онъ въ сорочкѣ родился*—счастливецъ, ему все удается: перепонка, въ которой родился ребенокъ, обычно *сорочка* лопается. *В. И. Даль.*

Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого-же онъ
Выдастъ Грунюшку—
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я-ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачемъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое,
Заря алая—
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума...
Ахъ вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!...

Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее—
И прости-прощай,
Село родное!

Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!...
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!

Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошонная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну молодецъ!
Нагребу копенъ
Намечу стоговъ—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью—
Такъ разжалоблю
Золотой казной!...

Два Прощанія [1]).

(1837 г.).

„Такъ ты, моя
Красавица,

[1]) На музыку положилъ А. Дюбюкъ.

Лишилась вдругъ
Двухъ молодцовъ.
Скажи же мнѣ,
Какъ съ первымъ ты
Разсталася,
Прощалася?“

— Разсталась съ нимъ
Я весело;
Прощалася—
Смѣялася.
А онъ ко мнѣ,
Бѣдняжечка,
Припалъ на грудь
Головушкой;
И долго такъ
Лежалъ, молчалъ;
Смочилъ платокъ
Горючими...
Ну—Богъ съ тобой!
Промолвилъ мнѣ.
Схватилъ коня,
Поѣхалъ въ путь,
Въ чужихъ краяхъ
Коротать вѣкъ.—

„И ты надъ нимъ
Смѣялася?
Его слезамъ
Не вѣрила?
Скажи-жъ теперь,
Мудреная,
Какъ ты съ другимъ
Прощалася?“

— Другой не то...
Не плакалъ онъ,
А и теперь
Все плачу я.
Ахъ, обнялъ онъ
Такъ холодно;
Такъ сухо рѣчь
Повелъ со мной:

Я ѣду—вишь
Не надолго;
Еще съ тобой
Увидимся,
И въ—волюшку
Наплачемся.
По сердцу-ли
Такой привѣтъ?
Махнулъ рукой,
Не кланяясь,
Въ мое лицо
Не смотрючи,
Пустилъ коня—
И былъ таковъ—

„Кто жь памятнѣй
Останется
Душѣ твоей,
Красавица?“

— Мнѣ перваго,
Конечно, жаль;
Люблю же я
Послѣдняго.

Двѣ Жизни.

(1837 г.).

Двѣ жизни въ мірѣ есть:
Одна свѣтла, горитъ она, какъ солнце;
Въ ея очахъ—небесный тихій день;
Въ сіяніи—святая мысль и чувство;
Ея живая сила такъ роскошно
Звучитъ свободной и разумной рѣчью.
И это—жизнь земнова духа:
Долга она, какъ Божья вѣчность...
Другая жизнь темна;
Въ ея очахъ—земная грусть и ночь;
И спитъ она сномъ крѣпкимъ и мятежнымъ,
Таится мысль въ ея цвѣтистыхъ формахъ,
Но не звучитъ свободной рѣчью;
Наклоннѣе во тьмѣ она къ молчанью.
И это—жизнь земнова праха:
Кратка она, какъ блескъ звѣзды падучей...

Вопросъ.

(1837).

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай, солнце!
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,
Чтобъ на землю
Не свѣтило!

Стань на берегъ,
Глянь на море:
Что ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ
Охладѣла,
Чтобы камнемъ
Затвердѣла?

Какой силой
Богатырской
Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ,
Не кружился?

Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи—
Безъ желанья?
Что̀-жъ мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?

Въ эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила
И живетъ въ ней,
Какъ царица!
Съ колыбели
До могилы
Духъ съ землею

Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою,—
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу-жъ неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться...

Много-ль время
Пролетѣло?
Много-ль время
Есть впереди?
Когда будетъ
Конецъ брани?
За кѣмъ поле?
Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта;
Въ моемъ толкѣ
Смысла нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи...

За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта...
Буду-ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду-ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?

Буду-ль помнить,
Гдѣ былъ прежде?
Что́ я думалъ
Человѣкомъ?...

Иль за гробомъ
Все забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?...
Что-жъ со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?...

Пора Любви.

(1837).

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полны́мъ-полна;
Поютъ онѣ и день, и ночь;
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь—огонь; съ огня—пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!

Какъ-разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лице твое румяное
Скорѣй платка износится.

Стоитъ она, задумалась.
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая—
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ—огонь, въ глазахъ—туманъ.
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

Весной, въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка;
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
„Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую;
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою—
Такъ, нѣтъ, куда! сидитъ, молчитъ...
Пошлешь къ отцу посвататься—
Сѣдой старикъ спѣсивится:
Нельзя никакъ—жди череду.

„Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная;
Пришла бѣда незваная,
Какъ съ плечь свалить—не знаю самъ,

И сила есть—да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ—да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею...

„Возьму-жь я ржи двѣ четверти,
Поѣду-жь я на мельницу;
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать [1]).
Скажу ему: Иванъ Кузьмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная;
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ—по-своему“.

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещоный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.
Даетъ онъ ей съ руки кольцо—
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузмичъ не грѣшенъ тутъ.

Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!

---

[1]) Присуха—припаиванье, заговоръ, приворотъ, пришепты, приворожка черезъ любовное зелье. Словарь В. И. Даля.

У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашоптанныхъ...

Царство Мысли

(1837).

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ;
И одинокій, молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.
Въ тьмѣ ночи возникаетъ мысль созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна—одна идея:
Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;
Она и тамъ—въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ
Въ ихъ зеркалѣ, и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываніи бурь вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства, всюду —
Она одна—царица бытія.

Молитва [1]).

(1837 г.).

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?
На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу.
Налóжилъ печать:
Печать та на вѣки;
Ее не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!..
Прости-жъ мнѣ, Спаситель.
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ...

---

[1]) Положилъ на музыку И. Игнатьевъ.

Раздумье Селянина [1]).

(1837 г.).

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ—
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:

---

[1]) Пять человѣкъ написали музыку на эти слова: Барановъ Бороздинъ, Бурнашевъ и др.

Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Горькая Доля [1]).

(1837 г.).

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;

Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу—
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце—сожигаетъ.

До поры, до время,
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

---

[1]) Положили на музыку Булаховъ, Варламовъ, Дюбюкъ, В. Соколовъ.

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою—
Съ горемъ повстрѣчаюсь!

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ:
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ—гніетъ...

Лѣсъ [1]).

(1837 г.).

(Памяти А. С. Пушкина)

Что̀, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь—поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?

---

[1]) На музыку положено Прокунинымъ и Усатовымъ.

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь-поникъ,
И не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя-ль, было,
Дни-роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...

У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ—

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ,

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
Держи около!“

Закружитъ она,
Разыграется,—
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;

Одичалъ, замолкъ—
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье...

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова,
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой...

Примѣчаніе.—Стихотвореніе это написано по поводу преждевременной и оплакиваемой всѣми смерти великаго нашего поэта *А. С. Пушкина* (1799—1837). Въ письмѣ своемъ Кольцовъ выражаетъ глубокую скорбь о кончинѣ Пушкина, нѣкогда у себя съ любовію принимавшаго поэта-прасола. Кольцовъ говоритъ: „А. С. Пушкинъ померъ; у насъ его уже болѣе нѣту! Едва взошло Русское солнце, едва освѣтило широкую Русскую землю съ небесъ вдохновеннымъ блескомъ, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармоніей райскихъ звуковъ; едва раздалися волшебныя пѣсни родимаго барда...

„Прострѣлено солнце...
О, лейтесь, лейтесь же ручьями
Вы, слезы горькія, изъ глазъ:
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами,—
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!“

(Изъ письма отъ 13 марта 1837 г.).

Могила Пушкина находится въ Святогорскомъ монастырѣ, Псковской губ., Опочецкаго уѣзда, недалеко отъ сельца Михайловскаго.

Первая Пѣсня Лихача Кудрявича [1]).

(1837 г.).

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ—
Изъ земли родится,
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

Что шутя задумалъ—
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями—
Въ одинъ мигъ поспѣло.

---

[1]) Семь человѣкъ положили на музыку первую пѣсню Лихача Кудрявича: Архангельскій, Аѳанасьевъ, Кашперовъ и др.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо—смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!

Вò время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются;
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ—
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется—
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой--
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

Вторая Пѣсня Лихача Кудрявича [1]).

(1837 г.).

Въ золотое время
Хмелемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота—
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить—не поле
Пройдти за сохою;
Кручину, что тучу—
Не уноситъ вѣтромъ.

Зла бѣда—не буря—
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору

[1]) Положено на музыку Мещериновымъ.

Отъ ея напасти
Не уйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ-руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все—изъ рукъ вонъ—плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То—скосило градомъ,
То—сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ...

Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ—
Старые лаптишки
Безъ онучь обуешь.

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь.

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

Бѣдный Призракъ

(1838 г.).

Убилъ я жизнь, искавши счастья,
Сгубилъ себя,—а счастья нѣтъ;
Пойду къ друзьямъ на пиръ старинный
И заживу я съ ними вновь.

„Противъ меня возстали люди;
Судьба караетъ день и ночь;
На свѣтѣ жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть“.

Отвѣта нѣтъ. Друзья-счастливцы
На бѣдность холодно глядятъ,
Со мною встрѣчи избѣгаютъ
И „нѣту дома“ говорятъ.

Какъ будто я—недобрый гость,
Пришелъ богатство ихъ присвоить,
Печалью радость отравить,
Свое имъ горе навязать!

И вотъ дожилъ на старость лѣтъ,
Что не съ кѣмъ слова перемолвить;
Сердечной скуки раздѣлить,
Кому-бъ „ночь добрую“ сказать.

О, ночь! Приди хоть ты... но съ этой мыслью
Вся повѣсть прежнихъ дней
Изъ глубины души выходитъ
И тѣнью страшною стоитъ.

И грустно мнѣ смотрѣть:
Весной на лугъ зеленый,
На плодъ любимыхъ яблонь
И на пожатый колосъ нивъ...

Пѣсня [1]).

(1838 г.).

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова—
Мужа старова?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великій день,

---

[1]) Шесть композиторовъ положили на музыку эту пѣсню: А. Рубинштейнъ, Булаховъ, Вильбоа, кн. Н. Трубецкой и др. Эта пѣсня также поется цыганами.

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску!

Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за́ моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На́ полъ сыплется:

Не рости травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Послѣдній Поцѣлуй [1]).

(1838 г.).

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй!
Что печально глядишь?
Что на сердцѣ таишь?

---

[1]) Положили на музыку Балакиревъ, Бларамбергъ, Де-Витте, Лобановъ, бар. Фитингофъ и др.

Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей!
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски...

На полгода всего
Мы разстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ;
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной—
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.

Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
Въ свой нарядъ голубой,
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной;
Пусть пылаетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!

Обойми-жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй!

Измѣна Суженой [1]).

(1838 г.).

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть, тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью:
Люди съ смѣхомъ отвернулися,
На могилу къ отцу, матери—
Не встаютъ они на голосъ мой.

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти...
Въ ночь глухую буря страшная
На могилѣ подняла меня...

---

[1]) На музыку положили: Божановскій, Варламовъ, Дюбюкъ, Гурилевъ и др.

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился—
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

Пѣсня [1]).

(1838 г.).

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь, мою дорогу
Пылью покрываетъ.

Выходи-жъ ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.

Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ—
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщетъ.

Что ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по сердцу
Очи голубыя!

---

[1]) На музыку положено Астафьевымъ, А. Варламовымъ, В. Глинкою, Ломакинымъ и др.

Что ему на свѣтѣ
Доля нелюдская,
Когда его любитъ
Она, молодая!

Примиреніе.

(1838 г.).

На пиръ сердечныхъ наслажденій,
На свѣтлый пиръ любви младой,
Съ судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, въ безумномъ изступленьи,
Изъ міра дѣвственной любви,
Къ моимъ врагамъ на праздникъ шумный,
Съ челомъ открытымъ гордо вышелъ;
На злобу—злобой ополчился
И на бѣду—съ бѣдой пошелъ;
Противъ людей я грудью сталъ,
На смертный бой судьбу я вызвалъ!
И гдѣ-жъ она?.. гдѣ злые люди?..
Гдѣ сила ихъ, оружье, власть?..
Ихъ зло на нихъ же обратилось;
И все кругомъ меня безмолвно
Въ одно мгновенье покорилось;
А я стоялъ, глядѣлъ на небо—
И улыбнулось небо мнѣ...
На небо—нѣтъ! Ея прекрасный,
Привѣтный взоръ я встрѣтилъ тамъ...
Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демонъ гибнущей души,

Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя—для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вотъ ужъ нѣтъ пространства между нами;
И вотъ ужъ нѣтъ въ пространствѣ пустоты;
Она и я—различные два міра—
Въ одну гармонію слились,
Одною жизнію живемъ!
Но что за грустныя сомнѣнья
Порой еще мою волнуютъ грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вамъ конецъ?
Ужель, всѣ истины на свѣтѣ—
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вѣра чувства—
Людскихъ страстей пустая тѣнь?..
Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ,
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой!..

Міръ Музыки [1]).

(1838 г.).

Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни
Гармонической волной;
По душѣ волшебной ходятъ
И проходятъ съ быстротой.

---

[1]) Положили на музыку Евгеньевъ, Шель и Вл. Соколовъ

Полечу я вслѣдъ за ними;
Погружуся въ нихъ душой;
Въ очарованномъ забвеньи
Позабуду міръ земной!

Сколько звуковъ, сколько пѣсенъ
Раздалося вновь во мнѣ!
Сколько образовъ чудесныхъ
Оживилось въ вышинѣ!

Между нихъ, она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой, пламенной любовью
Озарился міръ земной...

Улетайте-жъ въ небо, звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здѣсь я съ нею, здѣсь я счастливъ—
Любо жить мнѣ на землѣ!

Деревенская Бѣда [1]).

(1838 г.).

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ, не вѣдывалъ—
Со друзьями гулялъ, бражничалъ,
По всему селу роскошничалъ.

---

[1]) Положили на музыку Дюбюкъ и Дютшъ.

Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ пѣсни игрывалъ;
Вмѣстѣ съ дѣвицей-красавицей
Пляски новыя выдумывалъ.

Полюбилъ я эту дѣвушку:
Что душою—больше разумомъ,
Больше поступью павлиною,
Да что рѣчью соловьиною...

Какъ бывало, лѣтомъ, съ улицы,
Мы пойдемъ съ ней рука-объ-руку
До двора ея богатова,
До крыльца ея высокова;

Да какъ гляну, противъ зорюшки,
На ея глаза, бровь черную,
На ея лицо, грудь бѣлую,
Всю монистами покрытую—

Аль-ни потъ съ лица посыпится;
Аль-ни въ грудь душа застукаетъ;
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся...

Такъ, за полночь съ нею сидючи,
По душѣ мы рѣчь затѣяли:
Поцѣлуями помолвились,
Другъ за другомъ быть условились.

На погибель мою староста
За сынка впередъ посватался,
И его казна несмѣтная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердцѣ—
Какъ изъ церкви мою милую,
При народѣ, взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ.

Тошно, грустно было на сердцѣ—
Какъ онъ съ нею, вдоль по улицѣ,
Что есть духу поскакалъ, злодѣй,
Къ своему двору широкому.

Я стоялъ, глядѣлъ, задумался;
Снявши шапку—хватилъ объ землю
И пошелъ себѣ загуменьемъ—
Подъ его окошки красныя.

Тамъ огни горятъ; тамъ дѣвушки
Поютъ пѣсни; тамъ товарищи
Пьютъ, играютъ, забавляются;
Съ молодыми всѣ цѣлуются.

Вотъ приходитъ полночь мертвая,
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъѣхались,
И ворота затворилися...

Въ эту пору, для пріятеля,
Заварилъ я брагу хмѣльную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:

Аль-ни дымъ пошелъ подъ облаки,
Аль-ни пламя закрутилося;
По сосѣдамъ—черезъ улицу—
На мою избушку бросилось.

Гдѣ стоялъ его богатый домъ,
Гдѣ была избушка бѣдная:
Утромъ все съ землей сравнялося—
Только уголья чернѣлися...

Съ той поры я съ горемъ-нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся,
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ пóтомъ умываюся...

Товарищу.

(1838 г.).

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ.

На заботы-жъ свои—
Чуть заря поднимись
И одинъ во весь день,
Что есть мóчи, трудись.

Неудачи, бѣда—
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ,
И на славу твою
Жить съ тобою начнетъ.

Та-же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

И тѣ-жъ люди-враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Ты не сердись на нихъ;
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

Пѣсня Разбойника.

(1838 г.).

(Памяти друга А. П. Серебрянскаго).

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Лѣса темные, дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія...

Ужь какъ было: по темнымъ лѣсамъ
Пировалъ я зимы круглыя;
По чужимъ краямъ, на свой таланъ,
Погулялъ я, поохотился.

А по Волгѣ, моей матушкѣ,
По родимой по кормилицѣ
Вмѣстѣ съ братьями, за добычью
На край свѣта леталъ соколомъ.

Но не Волга, лѣса темные,
Вьюги зимнія, крещенскія
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь желѣзную...

Въ некрещеномъ, славномъ городѣ,
На крутомъ, высокомъ островѣ,
Живетъ дѣвушка-красавица,
Дочка гостя Новгородскаго...

Она въ теремѣ, что зорюшка,
Подъ окномъ сидитъ растворенным:
Поетъ пѣсни задушевныя,
Напи братскія—отцовскія.

„Ахъ, душа-ль, моя ты душенька!
Что сидишь ты? что ты думаешь?
Али рѣчь моя не по сердцу?
Али батюшка спѣсивится?..

„Не сиди, не плачь; ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
Мы съ тобою, птицы вольныя,
Жить поѣдемъ въ Москву красную“.

Отвѣчаетъ ему дѣвица:
„За любовь твою, мой милый другъ,
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнова“!

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку!..

Примѣч.—Серебрянскій, Андрей Порфирьевичъ, воспитанникъ Воронежской Семинаріи, одинъ изъ первыхъ просвѣтителей—наставниковъ Кольцова. Серебрянскій умеръ въ 1832 г. Кольцовъ писалъ о немъ; „Какая прекрасная душа! Смерть его все довершила. Его прекрасная душа, желанія, мечты, стремленія, ожиданія, надежды на будущее—и все вдругъ... (окончилось съ его смертью). Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ съ нимъ читали *Шекспира*(Англійскаго писателя XVI—XVII в.), думали, спорили; и я такъ много былъ ему обязанъ; онъ черезчуръ меня баловалъ. Вотъ онѣмѣлъ было я совсѣмъ и всему хотѣлъ сказать „прощай"! (Изъ письма 1839 г.).

Послѣдняя Борьба [1]).

(1837 г.).

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ—силу, въ сердцѣ—жаръ!

Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

[1]) Поется цыганямя.

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!
Безконечно въ ней стремленье;
Въ ней покой и тишина...

Не грози-жь ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой!
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

Бѣгство [1]).

(1837 г.).

Ужь какъ гляну я на поле—
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій—
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ [2])
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

---

[1]) На музыку положили Малашкинъ и Прокунинъ.
[2]) Лѣшій, русалка—народныя суевѣрія.

Крикну лѣсу, топну въ берегъ—
Лѣшій за горы уйдетъ,
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду;

Свистну—въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ одномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То ли дѣло, на просторѣ,
Друга къ сердцу прижимать!

Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой,—

Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ!

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть.
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ.

Будемъ жить съ тобой по-пански:
Эти люди—намъ друзья;
Что душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ:
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою съ серебромъ!

---

* * *

(1837 г.) [1]).

Не разливай волшебныхъ звуковъ!
Не уноси ты въ свой прекрасный міръ!
Твоя душа—какъ Божій ангелъ!
Вся жизнь твоя—какъ свѣтлый день!

Ты можешь силой дивной пѣсни
Созвать невидимыхъ духовъ;
Они всю прелесть чудной жизни
Въ твоихъ видѣньяхъ разольютъ,

---

[1]) Малашкинъ положилъ на музыку.

Мятежный міръ въ мечтахъ сокроютъ,
Съ печалью радость съединятъ;
Коснется-ль грусть—на душу снидетъ
Всесильной жизни благодать,

А предо мной—лишь прошлыхъ дней
Всѣ образы страстей безумныхъ
Изъ глубины души подымутъ
Во всей ихъ страшной наготѣ.

И если ты, мой милый другъ,
Не озаришь меня своимъ сіяньемъ,
Не дашь руки, „люблю“ не скажешь,
Со мною вмѣстѣ не пойдешь—

Тогда погибъ я навсегда!
Тогда, страдалецъ одинокій,
Ни для земли, ни для небесъ
Я не воскресну никогда!

Путь [1]).

(1839 г.).

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить...

---

[1]) На музыку положилъ Эггерсъ.

Кто же держитъ меня,
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до-сихъ-поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Много слугъ и казна
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужь осѣдланъ стоитъ.

Да на путь—по душѣ—
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть,

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать

И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ!

(1839 г.) [1]).

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой [2])
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,—

---

[1]) Цыганскія пѣсни.
[2]) *Домовой*—народное суевѣріе

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ.
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло [1]) глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,

---

[1]) *Прясло*—звено изгороди, колѣно забора, отъ столба до столба. Словарь *В. И. Даля.*

Собираютъ казну,
Бражку [1]) ковшикомъ пьютъ.

Хуторокъ [2]).

(1839 г.).

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зеленый шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой,
Хуторочекъ стоитъ.

Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.

Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову...

На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ;
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.

„Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ—
Онъ не любитъ тебя.

---

[1]) *Брага*—бражка—домашнее крестьянское пиво. *В. И. Даль.*
[2]) Положили на музыку Дюбюкъ и Климовскій.

Не сердися, плыви,
Въ свой рыбачій курень;
Завтра-жъ, другъ мой, съ тобой
Гулять рада весь день!

— Сильный вѣтеръ подулъ,
А ночь будетъ темна...
Лучше здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра.—

Опознился [1]) купецъ
На дорогѣ большой;
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.

„Милый купчикъ-душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять?..
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.

Лучше къ куму въ село
Поскорѣе ступай;
Только, завтра, смотри
Погостить заѣзжай!“

— До села далеко;
Конь усталъ мой совсѣмъ;
Есть свой кормъ у меня:
Не печалься о немъ.

Я вчера въ городкѣ
Долго былъ—все купилъ;
Вотъ подарокъ тебѣ,
Что давно посулилъ.—

---

[1]) Опозднился—опоздалъ.

„Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай къ куму въ село.“

— Эта боль—пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два—заживетъ
Вмигъ головка твоя. –

Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.

За столомъ, съ рыбакомъ,
Ужь гуляетъ купецъ;
А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ...

„Ты, рыбакъ, пей вино!
Мнѣ съ сестрой наливай!
Если мастеръ-плясать,
Пѣть мы пѣсни давай!

Я съ людями люблю
По-пріятельски жить;
Ваше дѣло—поймать,
Наше дѣло—купить...

Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ—по рукамъ;
Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людямъ:

Горе есть—не горюй,
Дѣло есть—работай;
А подъ случай попалъ—
На здоровье гуляй!“

И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать.

Не стерпѣлъ удалой,
Загорѣлась душа!
И—какъ глазомъ моргнуть—
Растворилась изба...

И съ тѣхъ поръ въ хуторкѣ
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ...

Примѣчаніе.—Отзывъ Кольцова о „Хуторкѣ“: Иногда прочтешь „Хуторокъ“ покажется, а „иногда разорвать хочется“. (Изъ письма 1839 г.).—Надо замѣтить, что даровитые люди недовольны бываютъ даже высокими (высокаго качества) произведеніями своими. Знаменитый нашъ художникъ *К. П. Брюлловъ* († 1852 г.) написалъ картину „Послѣдній день Помпеи“; вся Европа восхищалась этою его картиною, а онъ, въ недовольствѣ, бросилъ въ нее сапогомъ... Гоголь былъ недоволенъ „Мертвыми Душами“, вторую часть которыхъ предалъ пламени. Пушкинъ постигъ это вѣчное недовольство творцовъ (писателей, художниковъ) своими созданіями, всѣхъ поражающими своею красотою, и написалъ стихотвореніе „Трудъ“:

„Мигъ вожделѣнный насталъ,
Оконченъ мой трудъ многолѣтній...
Что-жъ непонятная грусть
Тайно тревожитъ меня?“

Надо полагать, что источникъ подобнаго недовольства художниковъ своими произведеніями высокаго качества заключается въ *алканіи* все лучшаго и лучшаго совершенства.

Пѣсня.

(1839 г.).

Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись:
„Не грусти, не плачь ты по-пусту,
Не печаль лица ты бѣлова,
Не гаси румянца алова!

Ты вѣдь знаешь, моя милая!
Что иду я не охотою;
Но судьба велитъ, нужда несетъ—
Отецъ силой проситъ дома жить.

Я пойду—скажу: вотъ, батюшка,
Мой избытокъ весь возьми себѣ!
Но въ твоемъ дому родительскомъ
Не жилецъ я, не кормилецъ твой!

Не держи-жь, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится!..

Говорилъ такъ другъ, прощаючись,
А въ душѣ его былъ замыселъ:
Не къ отцу идти—въ иномъ селѣ
Замужъ взять вдову богатую...

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ,
Я за твой обманъ не сержуся...
Хоть и женишься—раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ быть, воротишься.

Пѣсня.

(1839 г.).

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься.

Доля-жь, моя доля,
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время,
Въ воду камнем пала?

Поднимись, что силы
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ—у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

Примѣчаніе.—У мѣста намъ кажется, здѣсь будетъ, выписка изъ письма Кольцова 1839 г. къ редактору одного журнала. „Вы говорите, я упалъ духомъ. Нѣтъ, духомъ, я не упалъ, и бѣдѣ моей[1]) я смотрю въ глаза прямо, и грудь не сокрыта предъ ней. Я не бѣгу, а стою и жду бури: сломитъ—упаду, выдержу—пойду впередъ. Но не стану передъ ней на колѣна, не буду слезно молить о пощадѣ и бабой выть, нѣтъ, этого не будетъ! Я русскій человѣкъ“.—И въ пѣснѣ, выше приведенной, и въ письмѣ одинъ духъ—бодрость, мужество въ бѣдѣ, а не... уныніе.

Тоска по Волѣ.

(1839 г.).

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.

---

[1]) Бѣда, испытанная Кольцовымъ въ 1839 году, состояла въ томъ, что отецъ его купилъ скота тысячъ на двадцать рублей, но скотъ палъ, продажи не могло быть,—и деньги двадцать тысячъ съ отца Кольцова требовали, такъ какъ торгъ вели Кольцовы на чужія деньги...

Тяжело жить дома съ бѣдностью,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.

Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя—безъ мѣсяца,
Бури страшныя, громовыя,
Удалой души не радуютъ.

Гдѣ-жъ друзья мои-товарищи?
Куда дѣлись? разлетѣлися?
Иль не хочутъ [1]) дать мнѣ помочи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?

Знать забыли время прежнее,
Какъ бывало, въ полночь мертвую,
Крикну, свистну имъ изъ-за лѣса—
Аль ни темный лѣсъ шелохнется...

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ кругъ собираются
Погулять ночь, пороскошничать.

А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала:
И друзья, мои товарищи,
Одново меня всѣ кинули...

---

[1]) *Хочутъ*, т. е. хотятъ.— Черновыя тетради Кольцова показываютъ, что онъ писалъ, какъ говорилъ, и правилъ правописанія не соблюдалъ. „Здоровье видимо *лутчіетъ*“.

Гой ты сила пододонная[1])!
Отъ тебя я службы требую—
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А душой тебѣ я кланяюсь...

Лѣсъ[2]).

(1839 г.)

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?..

Коня скорѣй! какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я:
Вездѣ глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ...

Когда-нибудь его стихія
Рвалася землю всю покрыть,
Но, въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ,—
И на людей наводятъ страхъ.

---

[1]) *Гой* старое слово, „но оно хорошо кажется стоитъ“. *пододонная*— «этакъ говорится по-русски про *адъ*». Объявленіе Кольцова въ письмѣ 1839 г.

[2]) На музыку положенъ Дерфельдтомъ и Сокольскимъ.

Съ приходомъ дня, уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ, лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ...

Какая-жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней?...

Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти
Свое величье сознавать?

Примѣчаніе.—Объ этой піесѣ Кольцовъ отзывался неблагосклонно. „Въ немъ (т. е. піесѣ „Лѣсъ“) я прежде видѣлъ много, а теперь, переписывая, какъ-то онъ показался мнѣ вовсе гадкимъ. Другія мои пьески кажутся лучше прежнихъ, а впрочемъ вы увидите (обращается къ В. Г. Бѣлинскому) это лучше; у меня часто и то хорошо, что никуда не годится“ (Изъ письма 1839 г.)—Указываемая въ письмѣ Кольцова піеса „Лѣсъ“ („О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ“) дѣйствительно нѣсколько туманна: въ этомъ главный недостатокъ ея.

Передъ образомъ Спасителя [1]).

(1839 г.)

Предъ Тобою, мой Богъ!
Я свѣчу погасилъ,
Премудрую книгу—
Предъ Тобою закрылъ.

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Безконечный твой міръ
Предъ очами раскрытъ.

Я съ любовью къ Тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!

И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ тебя осуждалъ:

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

---

[1]) Положили на музыку И. Дмитріевъ и Дюбюкъ.

Поэтъ.

(1840 г.).

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли,
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды...

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни;
Цѣлая природа—
Въ душѣ человѣка.

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...

Властелинъ—художникъ
Создаетъ картину—
Великую драму [1]),
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ;

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.

[1]) *Драма* собственно значитъ—дѣйствіе, бѣгъ,—слово греческое.

Дивныя созданья
Мысли всемогущей!
Весь міръ передъ вами,
Со мной исчезаетъ...

Вопль Страданія.

(1840 г.).

Напрасно я молю святое Провидѣнье
Отвесть ударъ карающей судьбы,
Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребій мой;

Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
Чтобъ могъ я равнодушно пережить
Земныхъ страстей безумное волненье.

Пощады нѣтъ! Душевную молитву
Разноситъ вѣтръ во тьмѣ пустынной,
И вопли смертнаго страданья
Безъ отзыва въ дали глубокой тонутъ.

Ужель во цвѣтѣ лѣтъ, подъ тяжестью лишеній,
Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательнымъ дыханіемъ весны?

Дума Сокола [1]).

(В. П. Б—ну).

(1840 г.).

Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что́ губить?

Долго ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой
Самъ-собою жить?

Для чего жь на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой,

[1]) Положили на музыку В. Де-Витте и Кашперовъ.

Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ?

Нѣтъ, ужь полно мнѣ,
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть!

Со двора пойду,
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ
Гдѣ ужъ Богъ велитъ!

Примѣчаніе. „Дума Сокола“ посвящена Василію Петровичу *Боткину* (1811—1869), одному изъ образованныхъ людей сороковыхъ годовъ, любителю искусства, словесности и весьма доброму человѣку. Онъ—сынъ купца, но любилъ сильно просвѣщеніе и примыкалъ къ тому кружку писателей, который вдохновляемъ былъ Станкевичемъ (см. выше, примѣч. при стихотвореніи. „Божій міръ“. Осилѣ вліянія В. П. Боткина Кольцовъ говоритъ: „запрись онъ, и послѣдніе обломки стараго, талантливаго, горячаго, вдохновеннаго кружка—какъ ни бывало: все разсыплется „врозь“. (Изъ письма Кольцова 1841 г.). В. П. Боткинъ издалъ хорошую книгу: „Письма объ Испаніи“ въ 1857 г. (но по частямъ эта умная книга печаталась въ Современникѣ“ съ 1845 г.).

Пѣсня [1]).

(1840 г.).

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій,
Силой укоротали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ отъ солнышка,
Красоту лелѣяли,—

Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась.

Говорятъ родимые:
Поживется—слюбится;
И по сердцу выберешь—
Да горчѣе придется.

Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтывать,
И съ собою молодость
Безъ расчета сравнивать!

---

[1]) На музыку положили Даргомыжскій и кн. Н. Трубецкая.

Пѣсня [1]).

(1840 г.).

Свѣтитъ солнышко,
Да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики,
Да не въ-пору.

А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Безъ дождика.

По ночамъ роса
Гдѣ падала —
По утру трава
Тамъ сохнула.

И тѣ пташечки,
Касаточки,
Пѣли грустно такъ
И жалобно,—

Что, ихъ слушая,
Кровь стынула,
По душѣ лилась
Боль смертная.

Такъ прошла моя
Вся молодость—
Безъ любви-души,
Безъ радости.

---

[1]) На музыку положили Дмитріевъ, Прокунинъ и Христіановичъ.

Пѣсня [1]).

(1840 г.).

Не на радость, не на счастіе
Знать, съ тобой, мы, другъ мой, встрѣтились;
Знать, на горе горемычное,
Такъ сжились мы, такъ слюбилися.

Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ:
Холостая жизнь наскучила;
Полюбилъ тебя безродную:
Полюбивши—весь измучился.

Гдѣ ты время, гдѣ ты времечко,
Какъ одно я только думывалъ:
Гдѣ бы—какъ—съ тобой увидѣться
Однимъ словомъ перемолвиться.

Тогда было—иду, ѣду ли,
Ты всегда со мной, съ ума нейдешь;
На грудь полную ручкой бѣлою
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, кружитъ голову:
Какъ въ чужомъ углу съ тобой намъ жить,
Какъ свою казну трудомъ нажить?

Но куда умомъ ни кинуся—
Мои мысли врозь расходятся,
Безъ слѣда вдали теряются,
Черной тучей покрываются...

---

[1]) На музыку положили Дерфельдтъ и В. Соколовъ

Погубить себя?—не хочется!
Разойтися? нѣту волюшки!
Обмануть, своею бѣдностью
Красоту сгубить?—жаль до смерти!

Разлука [1]).

(1840 г.).

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Что предъ ней ты, утро майское,
Ты дуброва—мать зеленая,
Степь—трава—парча шелковая,
Заря—вечеръ, ночь—волшебница!

Хороши вы—когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ—хоть бы не было;
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ,
Я сказалъ ей: „Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ—разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся“...

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося,
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.

---

[1]) На музыку положили Гурилевъ и Христіановичъ.

„Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола“...
Занялся духъ—слово замерло...

Перепутье [1]).

(1840 г.).

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что ужъ шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что жъ теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть—
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную...

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы, гуляя, все потратили,
Молодую жизнь, до времени,
Какъ попало, такъ и прожили!

Сидѣть дома, ботѣть [2]), старѣться,
Съ старикомъ—отцомъ вновь ссориться
Работать, съ женой хозяйничать.
Ребятишкамъ сказки сказывать...

---

[1]) Положено на музыку Бѣгичевой.

[2]) *Ботѣть*—толстѣть, добрѣть *В. И. Даль.*

Хоть не такъ оно—невыгодно;
Но, положимъ—дѣлать нечево:
Въ непогоду—не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...

Но вотъ тутъ скажи, какъ придется
По душѣ спросить, по совѣсти:
Кто пойдетъ за насъ? гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?

Куда глянешь—всюду наша степь;
На горахъ—лѣса, сады, дома;
На днѣ моря—груды золота;
Облака—идутъ—нарядъ несутъ!..

Всякому свой таланъ [1].

(1840 г.).

Какъ женился я, раскаялся;
Да ужъ поздно, дѣлать нечево:
Обвѣнчавшись—не разженишься;
Наказалъ Господь, такъ мучайся.

Хоть бы взялъ ее я силою,
Иль обманутъ былъ злой хитростью,
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ, и таланливыхъ;
Да ни съ чѣмъ взять—видишь, совѣстно
Отъ своей родни—товарищей.

[1]) На музыку положилъ Даргомыжскій.

Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю—какъ водится:
И съ роднею, и съ породою,
Именитою, почетною.

И живемъ съ ней, только ссоримся,
Да роднею похваляемся;
Да проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные...

„Теперь, придетъ время тѣсное:
Что намъ дѣлать, жена, надобно?“
— Какъ, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова?

„Ахъ, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,
Такъ зачѣмъ же мою голову
Ты сгубила, змѣя лютая?

Придетъ время, время грозное,
Кто поможетъ? Куда дѣнемся?
— Самъ прожился мой безумный мужъ,
Да у бабы ума требуетъ.

Расчетъ съ жизнію [1].

(В. Г. Б—му).

(1840 г.).

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

[1]) Положили на музыку Вильбоа, Де-Витте, Ржевскій и В. Соколовъ

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ,
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ—
И что ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма—судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба.

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Если-бъ силу Богъ далъ—
Я разбилъ бы тебя!

Примѣчаніе.—Это стихотвореніе посвящено Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому (1809—1847), знаменитому критику тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Кольцовъ многимъ обязанъ Бѣлинскому. Кольцовъ нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ

у Бѣлинскаго. Это время Кольцовъ признавалъ самымъ свѣтлымъ временемъ своей жизни. „А что я въ 1838 году писалъ хорошо (говоритъ Кольцовъ въ одномъ изъ писемъ) и писалъ много, это потому во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые собой меня каждый день настраивали; во-вторыхъ, я почти не дѣлалъ ничего, былъ празденъ; тяготило одно дѣло, но одно дѣло—не больше... ваша рѣчь высокая, святая рѣчь убѣжденія“. Подъ вліяніемъ мощной рѣчи Бѣлинскаго Кольцовъ хотѣлъ читать Русскую исторію, естественную, всемірную, выучиться по-нѣмецки и читать Шекспира, Байрона (англ. писатели), Гете, Гегеля (нѣмецк. писатели) прочесть астрономію, географію, зоологію,—изучить Библію, Евангеліе. Въ другомъ письмѣ говоритъ Бѣлинскому: „Эти послѣдніе два мѣсяца (письмо отъ 15 іюня 1838 г.) стоили для меня дороже пяти лѣтъ. Въ эту пору я много разрѣшилъ вопросовъ темныхъ, много разгадалъ неразгаданныхъ прежде истинъ, много узналъ я отъ васъ для души моей святого, чего я цѣлый вѣкъ самъ бы не разрѣшилъ и не сдѣлалъ. Да, я теперь гляжу на себя — и не узнаю. Гдѣ эта безсмѣнная моя печаль, убійственная тоска, раздоръ самого себя съ собою, съ людьми и съ дѣлами? Нѣту ничего, все прошло, все исчезло, — и я на все гляжу прямо и все сношу, и сношу тяжелое безъ тягости; и всѣмъ этимъ *вамъ* обязанъ“.

Пѣсня [1]).

(1840 г.).

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ—серебра,
Для бесѣдъ—красныхъ словъ,
Для веселья—вина!

Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

---

[1]) На музыку положилъ Зайцовъ.

Грусть Дѣвушки [1]).

(1840 г.).

Отчего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя?

Иль обрызганъ ты,
Въ скукѣ—горести,
По миломъ дружкѣ
Слезой дѣвичьей?

Въ широкихъ степяхъ
Дона тихова,
Зелена трава
Давно скошена;

На селѣ косцы
Давно женятся;
Только нѣтъ его,
Ясна сокола!

Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня,
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?..

Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу:
То печальный слухъ
Объ немъ носится...

---

[1]) На музыку переложили: Аѳанасьевъ, Віардо-Гарсіа, Гурилевъ, Кашперовъ и др.

Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Нѣтъ, не къ радости
Плакать хочется.

Ночь [1]).

(1840 г.).

(Князю В. Ѳ. Одоевскому).

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою;

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна!

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ.

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой...
И тотъ призракъ былъ—
Ея мужъ лихой...

[1]) Музыкальное переложеніе Дюбюка.

По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю какъ,
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ:
Я схватился съ нимъ—
И онъ мертвый палъ.

„Что жъ ты, милая,
Вся какъ листъ дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

Ужъ не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!..

— Ахъ, не то, чтобъ я...
Умъ мѣшается...
Все два мужа мнѣ
Представляются:

На полу, одинъ
Весь въ крови лежитъ;
А другой—смотри—
Вонъ въ саду стоитъ! —

Примѣчаніе.—Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій (1803—69), которому посвящено стихотвореніе „Ночь“, цѣнилъ талантъ Кольцова и помогалъ ему въ тяжебныхъ дѣлахъ его отца. Самъ Кольцовъ пишетъ (въ письмѣ отъ 1838 г.), что много прекрасныхъ минутъ въ

его жизни дали ему три лица: князь В. Ѳ. Одоевскій, кн. П. А. Вяземскій и В. А. Жуковскій. По милости этихъ писателей и добрыхъ людей, говоритъ Кольцовъ, „я великимъ богатствомъ обладаю теперь: получаю три журнала (Отечеств. Записки, Современникъ, Московск. Наблюдатель). Чего жъ мнѣ еще больше? Читай и трудись, трудись и читай“. Жалуется на свои дѣла, а потомъ пишетъ: „Одинъ случай навернись, и все устроится, можетъ быть опять: Худо *крылья опускать*“.

Пѣсня [1]).

(1840 г.)

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія,
Благодатныя?

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

Съ какой гордостью
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль, волшебную!

Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было!

---

[1]) Музыкальное переложеніе Барановича, Малашкина, Офросимова и др.

Но, среди весны,
Въ цвѣтѣ юности,
Я сгубилъ твою
Душу чистую...

Безъ тебя, одинъ,
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма
Покрываетъ день...

Пѣсня [1]).

(1840 г.).

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.

Та весна далеко,
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!

И тѣхъ нѣтъ ужъ и дней,
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ!

Все прошло ужъ давно...
Не воротишь назадъ!
Для чего жъ безъ него
Цвѣты стану я рвать?

---

[1]) Тринадцать музыкантовъ переложили эту пѣсню на музыку: Архангельскій, Бернардъ, Даргомыжскій и др.

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла.

Пѣсня [1]).

(1840 г.).

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные;
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.

Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлова;
Не видать въ нихъ
Солнца краснова.

Во сырой мглѣ,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернѣется...

Въ эту пору,
Непогожую,
Одному жить—
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь—душу—
Красну дѣвицу!

---

[1]) Музыкальное переложеніе Вильбоа, А. Рубинштейна и др.

Съ ней зимою—
Лѣто теплое;
При бездольи—
Горе—не горе!

Пѣсня [1]).

(1841 г.).

Разступитесь, лѣса темные;
Разойдитесь, рѣки быстрыя;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта—на край бѣлова—
Искать стану друга милова...

Я найду его, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Я скажу ему: „стыдно, совѣстно
Бросить домъ свой, отца старова,
Да, Богъ вѣсть куда, завихриться".

Какъ завьетъ онъ кудри черныя,
Какъ надѣнетъ кафтанъ бархатный,
Подпояшетъ кушакъ шелковый,
Поцѣлуетъ, скажетъ ласково:

— Нѣтъ, душа моя, ошиблась ты,
Я не въ полѣ вихремъ вѣялся:
По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
За морями счастье пробовалъ.

---

[1]) Музыкальное переложеніе Христіановича.

Моя доля здѣсь счастливая:
Я нажилъ тебѣ два терема,
Лисицъ, шелку, много золота,—
Станетъ вѣкъ прожить боярами.

Ахъ, вы, душеньки-подруженьки!
Не отъ горя плачу—съ радости;
На душѣ она огнемъ горитъ,
А нѣтъ силы, словъ души открыть.

Пѣсня [1]).

(1841 г.).

Ты прости-прощай,
Сыръ-дремучій боръ,
Съ лѣтней волею,
Съ зимней вьюгою!

Одному съ тобой
Надоѣло жить,
Подъ дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье-бытье,
На домашнее.

---

[1]) На музыку положили: Данауровъ, Дюбюкъ, А. Рубинштейнъ и др.

Тамъ возьму себѣ
Молоду жену;
И начну съ ней жить,
Припѣваючи...

Жизнь.

(1841 г.).

Умомъ легко намъ свѣтъ обнять;
Въ немъ мыслью вольной мы летаемъ;
Что не дано намъ понимать—
Мы все какъ будто понимаемъ.

И рѣзко судимъ обо всемъ,
Съ вѣковъ покрова не снимая;
Дошло, что людямъ нипочемъ
Сказать: вотъ тайна міровая!

Какъ свѣтъ стоитъ, до этихъ поръ,
Всего мы много пережили;
Страстей мы видѣли напоръ;
За царствомъ царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
Въ тайникъ природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко,
Другія—силою упорной...

Но все жъ успѣхъ нашъ не великъ.
Что до преданій—мы не знаемъ.
Впередъ что будетъ—кто проникъ?
Что мы теперь—не разгадаемъ.

Одинъ лишь опытъ говоритъ:
Что прежде насъ здѣсь люди жили,—
И мы живемъ,—и будутъ жить,
Вотъ каковы всѣ наши были!..

Старая Пѣсня [1]).

(1841 г.).

Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ,
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная—могучая,
Царя Грознова, Московскова.

Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее—
Перешла такъ сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
Къ царству славному, Казанскому—
Къ бусурману—хану лютому,
Къ свому [2]) недругу заклятому.

И куда еще—спитъ зорюшка,
А ужь бьется Русь съ Татариномъ,—
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.

Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ Татаръ по улицамъ;
А на башнѣ съ Русскимъ знаменемъ,
Юный Царь стоитъ, какъ солнышко!

---

[1]) Переложили на музыку Рубинштейнъ и Римскій-Корсаковъ
[2]) Своему.

Князю П. А. Вяземскому. [1]).

(1841 г.)

Не время ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что есть—иль нѣтъ—желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить:
Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но отъ души ль, порою,
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною—
Нѣтъ нужды дорожить?..

Темна, страшна могила;
За далью—мракъ густой;
Ни вѣсти, ни отзыва
На вопль нашъ роковой!

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой!

---

[1]) О князѣ П. А. Вяземскомъ см. наше примѣчаніе выше при стихотвореніи. „Великое Слово“.

Пѣсня [1]).

(1841 г.).

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;

Не заря съ небесъ
Красовалася,
Не луна на насъ
Любовалася!

Нѣтъ! подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятьяхъ жгла—
Поцѣлуями!

Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шли, какъ облачки,
Мимо солнышка...

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край—
Заколдованный!

---

[1]) Переложили на музыку Дюбюкъ, А. Рубинштейнъ, Кашперовъ и др.

Звѣзда.

(1841 г.).

Гдѣ бъ ни былъ я—всегда,
До утренней зари, алмазная звѣзда
Противъ меня стоитъ
И въ очи мнѣ язвительно глядитъ...
При ней когда-то часъ разлуки былъ...
Но я давно ее и часъ тотъ позабылъ!
Одинъ лишь этотъ лучъ неотразимъ,—
И я никакъ не свыкнусь съ нимъ!
Порою онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль...
И мнѣ ее, погибшую, все жаль!

Поминки.

(Памяти Н. В. Ст--ча).

(1840 г.).

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ,
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ.

Ихъ очи, какъ звѣзды
По небу блестятъ!
Ихъ думы—какъ тучи;
Ихъ рѣчи горятъ.

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно ихъ не манитъ
Волшебница даль!

И съ міра, и съ время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна ихъ бесѣда,
Разумно идетъ:
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтетъ.

Но вотъ къ нимъ приходитъ
Невѣдомый гость,
И молча садится,
Какъ темная ночь.

Лицо его мрачно,
И взгляды—что ядъ;
И весь на немъ страненъ
Печальный нарядъ.

И лучшему другу
Онъ руку пожалъ;
И глазъ его черный
Огнемъ засверкалъ.

Вмигъ юноша вздрогнулъ
И очи закрылъ;
И темныя кудри
На грудь опустилъ.

Прозрачно, какъ мраморъ,
Застыло лицо—
Уснулъ онъ надолго!
Уснулъ глубоко!..

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Ихъ также, какъ прежде,
Бесѣда шумна;
Но часто невольно
Печаль въ ней видна.

Примѣчаніе.—Стихотвореніе „Поминки“ посвящено Николаю Владиміровичу *Станкевичу* (1813 — 1840 г.). Станкевичъ принималъ живое участіе въ судьбѣ Кольцова. Онъ впервые издалъ (1835 г.) его стихотворенія отдѣльной книжкой, въ которой было напечатано 18 піесъ. Онѣ слѣдующія: Пѣсня Старика, Сестрѣ, Удалецъ, Великая тайна, Люди добрые, скажите, Вздохъ на могилѣ Веневитинова, Ты не пой, соловей, Первая Любовь, Не шуми ты, рожь, Путникъ, Видѣніе Наяды, Пирушка русскихъ крестьянъ, Маленькому Брату, Къ N, Размышленіе Поселянина, Къ Другу, Пѣсня Пахаря и Совѣтъ Старца. Станкевичъ неоднократно посѣщалъ Кольцова въ Воронежѣ, какъ землякъ его. Благодарное отношеніе Кольцова къ Н. В. Станкевичу.

видно изъ письма его: „о Станкевичѣ, конечно, надо-бы говорить больше, но я этого сдѣлать не сумѣлъ; другіе пусть скажутъ лучше. Но у меня спала тяжесть съ души, а то все укоряла меня его безвременная смерть. И эта прекрасная, чистая душа какъ будто говорила мнѣ все на ухо: „Схоронили, позабыли“ (изъ письма 1840 г.—(Послѣднія слова взяты изъ драмы Шекспира „Гамлетъ“). О Н. В. Станкевичѣ прекрасное сочиненіе написалъ П. В. Анненковъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г., т. VII и VIII.

Доля Бѣдняка [1].

(1841 г.).

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная—
Не разымчива!

Рѣчи вольныя—
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души-ль, порой,
Радость вырвется—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

[1]) Музыкальное переложеніе Соколова.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

Пѣсня [1]).

(1841 г.).

Какъ здоровъ, да молодъ—
Безъ веселья—веселъ;
Безъ призыва—счастье
И валитъ и ѣдетъ.

Въ непогоду—вѣтеръ
Шапка на макушкѣ;
Проходи, попъ, баринъ—
Волоска не тронемъ!

Только думъ, заботы,
У царя—головки:
Погулять по свѣту,
Пожить на распашкѣ;

---

[1]) На музыку переложили Н. Дмитріевъ, Дюбюкъ и Кашперовъ.

Свою удаль—силку—
Попытать на людяхъ;
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!..

Пѣсня [1]).

(1841 г.).

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда!

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу мою—
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
„Гдѣ ты зорька моя?“
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цѣлуетъ меня!

---

[1]) На музыку переложили: Андреевъ, А. Варламовъ, Віардо—Гарсія, Дюбюкъ, Дютшъ, Капри, В. Соколовъ и Христіановичъ.

„Милый другъ, погаси
Поцѣлуи твои!
И безъ нихъ, при тебѣ,
Огнь пылаетъ въ крови;

И безъ нихъ, при тебѣ,
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блистаютъ глаза,
Словно въ небѣ звѣзда!“

Пѣсня [1]).

(1842 г.).

— Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду,
„Безъ знакомыхъ, одинъ,
Сказалъ—радость! приду.

Мѣсяцъ будь иль не будь—
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый, въ потьмахъ,
Съ ней его не собьетъ.

И, до ночи, мятель
Снѣгомъ путь весь закрой:
Безъ дороги—чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой!“

---

[1]) На музыку положили Петровъ и В. Соколовъ.

— Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду;
Онъ, прощаясь, сказалъ:
„Хоть умру, а приду.

Что мнѣ крѣпкій замокъ,
Караулъ, ворота?—
Воеводская дверь
Мнѣ всегда расперта.

Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ:
А съ тобою, мой другъ,
Города ни по чемъ!“

Пѣсня [1]).

(1842 г.).

Что онъ ходитъ за мной,
Всюду ищетъ меня
И, встрѣчаясь, глядитъ
Такъ лукаво всегда?

Что смѣшнова во мнѣ?—
Я понять не могу,
И за мною ходить—
Кто далъ право ему?

---

[1]) Музыкальное переложеніе Капри и Клеффеля.

Помню, какъ-то, давно,
У знакомыхъ былъ балъ:
Какъ безумный, всю ночь,
Онъ со мной танцовалъ!

Слова нѣтъ —онъ хорошъ:
Брови, носъ и лицо,
Но глаза—за глаза
Ненавижу его!

Голубые они...
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны,—
Будто съѣсть васъ хотятъ!...

Нѣтъ, отстаньте, прошу,
Не слѣдите меня;
Вашихъ дьявольскихъ глазъ
Я боюсь, какъ огня!..

На новый 1842 годъ.

(1842 г.).

Прожитый годъ, тебя я встрѣтилъ шумно,
Въ кругу знакомыхъ и друзей—
Широко, вольно и безумно,
При звукахъ бѣшеныхъ рѣчей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Впередъ всякъ дерзостно глядѣлъ,
Своихъ страстей невольное страданье
Истолковать пророчески хотѣлъ.

Въ комъ сила есть на радость, на страданье—
Въ томъ духъ огнемъ восторженнымъ горитъ,
Тотъ о своемъ загадочномъ призваньи
Свободно, смѣло говоритъ.

Такъ, до зари, бесѣда наша
Была торжественно шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!

Но годъ прошелъ: однимъ—звѣздою ясной,
Другимъ—онъ молніей мелькнулъ;
Меня-жъ годъ, встрѣченный прекрасно,
Какъ другъ, какъ демонъ, обманулъ!

Онъ, за таинственнымъ покровомъ,
Мученья горькія скрывалъ;
И, въ этомъ свѣтѣ безтолковомъ,
Меня вполнѣ рокъ грозный испыталъ.

Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю;
Одинъ, въ его заманчивую тьму,
Свои я взоры потопляю.

Что́ въ ней таится для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель, безвременно, изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

Примѣчаніе.—Это стихотвореніе Кольцовъ писалъ больной. Въ письмѣ къ В. П. Боткину онъ говоритъ: „писать—ничего не пишу, не въ состояніи. На *Новый*

Годъ написалъ больной въ минуту горькой скуки и вамъ ихъ (стихи) посылаю. Они вамъ напомнятъ чудесную ночь, проведенную у васъ многими. Если вамъ подобныя вещи не интересны, то для меня это воспоминаніе весьма дорого".

Стихотворенія

А. В. КОЛЬЦОВА

въ азбучномъ порядкѣ.

	Стр.
Божій міръ	81
Бѣгство	130
Бѣдный призракъ	115
Вздохъ на могилѣ Веневитинова	48
Великая тайна	63
Великое слово	78
Веселый часъ	46
Вопль страданія	149
Вопросъ	97
Всякому свой таланъ	157
Вторая пѣсня лихача Кудрявича	113
Глаза	74
Горькая доля	106
Грусть ѣвушки	162
Два прощанія	94
Двѣ жизни	97
Деревенская бѣда	123
Доля бѣдняка	177
Домъ лѣсника	60

Дума сокола 150
Женитьба Павла 75
Жизнь 170
Звѣзда 174
Измѣна суженой 119
Князю П. А. Вяземскому. 172
Кольцо 51
Косарь 91
Красавицѣ 29
Крестьянская пирушка. 64
Къ другу 55
Къ ней 50
Къ рѣкѣ Гайдарѣ 45
Лѣсъ. (Памяти А. С. Пушкина). 107
Лѣсъ («О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?»). 145
Люди добрые, скажите. 43
Маленькому брату 32
Міръ музыки. 122
Могила 76
Молитва 104
Молодая жница 86
На новый 1842-й годъ 182
«Не мнѣ внимать». 39
Не разгаданная истина. 82
Не разливай волшебныхъ звуковъ 132
Не шуми ты, рожь 68
Ночлегъ чумаковъ 29
Ночь. 163
«О, не кажи улыбки страстной». 49
Осень. 34
Первая любовь 44
Первая пѣсня лихача Кудрявича. 111
Передъ образомъ Спасителя 147
Перепутье 156
По-надъ Дономъ 40
Поминки. (Памяти Н. В. Станкевича) 174
Пора любви 100

Послѣдняя борьба 129
Послѣдній поцѣлуй 117
Поэтъ 148
Поэтъ и няня 62
Примиреніе 121
Путникъ 34
Путь 133
Пѣсня пахаря 57
Пѣсня разбойника 127
Пѣсня старика 52
Пѣсня. («Ахъ зачѣмъ меня») 116
Пѣсня. («Безъ ума, безъ разума») 152
Пѣсня. («Въ непогоду вѣтеръ воетъ») 142
Пѣсня. («Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ») 120
Пѣсня. («Гдѣ вы, дни мои?) 165
Пѣсня. («Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись») 141
Пѣсня. («Дуютъ вѣтры») 167
Пѣсня. («Если встрѣчусь съ тобой») 28
Пѣсня. («Какъ здоровъ да молодъ») 178
Пѣсня. («Много есть у меня») 161
Пѣсня. («Не весна тогда») 173
Пѣсня. («Не на радость, не на счастье») 154
Пѣсня. («Не скажу никому») 166
Пѣсня. («Нынче ночью») 180
Пѣсня. («Очи, очи голубыя») 33
Пѣсня. («Перстенечекъ золотой») 85
Пѣсня. («Разступитесь лѣса») 168
Пѣсня. («Свѣтитъ солнышко») 153
Пѣсня. («Ты не пой, соловей») 59
Пѣсня. («Ты прости - прощай») 169
Пѣсня. («Что онъ ходитъ за мной») 181
Пѣсня. («Я любила его») 179
Раздумье Селянина 105
Разлука 155
Размоловка 35
Размышленіе поселянина 53
Разсчетъ съ жизнію 158

Разувѣреніе 36
Серебрянскому А. П. 42
Сестрѣ 37
Сирота 27
Совѣтъ старца 50
Соловей 56
Спящему младенцу 31
Старая пѣсня 171
Теремъ 38
Товарищу 126
Тоска по волѣ 143
Удалецъ 66
Умолкшій поэтъ 89
Урожай 69
Утѣшеніе 48
Хуторокъ 137
Царство мысли 103
Цвѣтокъ 84
Человѣкъ 88
Что значу я? 47
Чты ты спишь, мужичекъ? 135

Оглавленіе.

Стр.

1. Жизнеописаніе А. В. Кольцова.
   Слова Некрасова 3
   Дѣтство . . . . . —
   Сравненіе съ Ломоносовымъ 4
   Поэтъ—прасолъ . . . . . —
   Домашнее воспитаніе . . . . . —
   Вліяніе степи 5
   Руководители Кольцова . . . . . —
   Купецъ Кашкинъ 6
   Самовоспитаніе Кольцова . . . . . —
   Серебрянскій (семинаристъ) . . . . . —
   Н. В. Станкевичъ 7
   Первое изданіе стиховъ Кольцова 8
   В. А. Жуковскій . . . . . —
   Торговыя дѣла отца Кольцова 9
   В. Г. Бѣлинскій . . . . . —
   Знакомство Кольцова съ Русскими писателями . —
   К. П. Брюлловъ 10
   Картина его «Распятіе» . . . . . —
   Почетъ Кольцову 11
   Умственное развитіе его 12
   Несчастныя торговыя дѣла его отца . . . . —
   Смерть нашего поэта . . . . . —
   Сравненіе съ Крыловымъ 13
2. Источники и пособія для изученія А. В. Кольцова —
3. Отличительныя черты стихотвореній А В. Кольцова.
   Любовь къ труду 15
   Религіозность 17
   Бодрость духа 21
   Созданіе народной пѣсни 23

Музыкальность его пѣсенъ 25
Композиторы, полагавшіе его пѣсни на музыку . —
Проникновеніе пѣсенъ его въ народъ . . . . —
4. Стихотворенія А. В. Кольцова въ порядкѣ изданія . . . . . 28—184
5. Стихотворенія А. В. Кольцова въ азбучномъ порядкѣ 185

Цѣна 25 коп.

4

2007067337